

НИК. ШПАНОВ

Ш 83
Р 179975

ТАЙНА ПРОФЕССОРА БУРАГО

5

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1944

И. И. ШПАНОВ

**ТАЙНА
ПРОФЕССОРА
БУРАГО**

Выпуск

5

*Рисунки
И. Алларинского*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1944

976671

К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во «Молодая гвардия».

Краткое содержание

1-го, 2-го, 3-го, 4-го выпусков романа Шик. Шпанова **„Тайна профессора Бураго“**

Два друга юности, Павел Житков и Александр Найденов, спустя много лет встречаются в доме старого моряка, профессора Бураго. Найденов — морской летчик, Житков — моряк. Бураго и Житков работают над проблемой невидимости в целях ее практического использования на флоте. Найденов, жених дочери профессора, Вали, работает над противоположной проблемой «оптического уха». Немецкая агентура окружает Бураго сетью шпионажа. Неожиданно он исчезает, оставив записку, в которой сообщает, что покончил с собой, убедившись в ошибочности своих научных исканий...

Житков уходит в заграничное плавание. В городе Антвердаме он встречается с иностранным моряком, капитаном баркентины «Марта», фашистом Витемой. Из доклада Витемы в «Институте моря» Житков узнает, что Витема располагает научным открытием, схожим с открытием Найденова. У бывшего матроса Витемы, старика Юстуса Мейнша, Житков находит трубку, виденную им у Бураго. Житков подозревает Витему в похищении расчетов Найденова, находившихся у Бураго в день таинственного самоубийства последнего. Проникнув в комнату Витемы, Житков находит записки, сделанные рукой Бураго. На жизнь Житкова произведено покушение. Поправившись после ранения, он выслеживает Витему, в схватке с ним ранит его, но и сам падает в воду...

В это время Найденов с женой Валей находится в командировке в Берлине, где изготавливаются детали его прибора «оптическое ухо». Немецкая разведка охотится за его изобретением, и он вынужден уехать из Германии. На корабле, по дороге в Швецию, Найденова арестовывает голландская полиция по подозрению в том, что он успел в поезде ехавшего с ним пассажира. Этот пассажир — норвежский пастор Зуденшельд — едет на одном пароходе с Найденовым. Найденову удается освободиться. Узнав, что Найденов — русский коммунист, Зуденшельд открывает ему, что едет в Норвегию организовать борьбу с немецкими захватчиками. Найденов решает помочь Зуденшельду...

После поединка с Витемой Житков приходит в себя на борту «Марты». Он — в плену у Витемы. «Марта» держит курс на остров Туманов — секретную базу германских рейдеров. Житков бежит с «Марты». В море его подбирает молодой норвежский рыбак Эль и

привозит на остров. Рыбаки прячут Житкова в горной пещере. Немцы, хозяйничающие на острове, разыскивают его. Немцами руководит капитан Витема, известный на острове под именем Вольфа.

На остров прибывает новый пастор. Он знакомится со слесарем Нордалем, вождем местных патриотов, и с доцентом Фальком, открывшим микроб «белой смерти» — молниеносной пеллагры.

Молодой рыбак дарит Житкову найденную на острове трубку, в которой Житков узнает трубку Бураго. В ней Житков находит записку профессора, которая убеждает его в том, что профессор жив и находится в руках немцев на острове. Встретившись с пастором, Житков узнает в нем... Найденова. В это время Найденова арестовывают как заложника за сбежавшего с «Марты» русского коммуниста, то есть Житкова.

Рыбаки укрывают Житкова в церкви от разыскивающих его немцев. Причетник Оле Хуль, знающий об этом, оказывается предателем. Соблазненный высокой наградой, обещанной немцами за поимку Житкова, он выдает его. Житков схвачен. Рыбаки казнят предателя, сбросив его с высокой скалы в море. Житков снова оказывается на «Марте», в плену у Витемы.

Найденова тем временем немцы освобождают, чтобы, следя за ним, добраться до руководителей Патриотического союза рыбаков.

Англичане высаживают на острове десант. Рыбаки оказывают англичанам всемерную помощь. Разворачивается ожесточенная борьба за остров. Сила оказывается на стороне немцев. Они снова овладевают островом Туманов. С присущим им варварством они громят лабораторию доцента Фалька. На острове, среди немецких солдат, начинается эпидемия «белой смерти». Все норвежское население острова с помощью Найденова и Нордаля покидает остров.

Найденов покидает остров последним, улетев на немецком самолете. Из кабины самолета он видит в открытом море «Марту». Он уверен, что на ее борту, в плену у Витемы, находятся Житков и Бураго, которых Витема не мог оставить на острове...

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ТАИСТВЕННЫЙ КОРАБЛЬ

59. ЛОДКА ДОЛЖНА УТОНУТЬ

Найденов с беспокойством поглядывал на индикатор обледенения. Несмотря на то, что он давно включил антиобледенители, предательская корка льда на крыльях самолета продолжала расти. Машина отказывалась уже набирать высоту. Найденов был лишен возможности маневрировать по вертикали в поисках слоя, где прекратился бы опасный процесс. Оставалось одно: вырваться из района высокой влажности. Найденов правильно считал, что скорее всего он достигнет этого, двигаясь навстречу ветру, несшему влажную мглу с юга. Он лег на южный курс. Но этим самым он уклонялся от ближайшего направления, сулившего ему соединение с английской эскадрой и с кораблями жителей острова. Сначала ему и в голову не приходило, что по мере удаления к югу увеличивается опасность встречи с немецкими кораблями, крейсирующими у берегов Норвегии. Он был уверен, что, добравшись до южной кромки полосы влажности, он спокойно повернет на запад. Горючего должно было хватить надолго.

Однако время шло, а положение самолета не улучшалось. Найденов чувствовал, как с каждой минутой тяжелеет машина, как она все хуже и хуже слушается рулей. И тогда он понял: дальнейший полет невозможен, — через каких-нибудь полчаса ледяная корка на несущих поверхностях заставит его сесть на воду. Он невольно обвел взглядом горизонт, хотя отлично знал, что ничего, кроме неба и воды, не увидит. Каковы же были его радость и удивление, когда на юго-западе мелькнула темная точка. Через несколько минут Найденов мог уже безошибочно сказать, что перед ним подводная лодка в позиционном положении. Если только это не немецкая лодка, нужно садиться: его подберут.

Найденлов осторожно развернул отяжелевший самолет и пошел прямо на подлодку. Ее экипаж тоже заметил самолет. Лодка быстро погрузилась. Найденлов сделал несколько кругов, уверенный в том, что лодка должна выглянуть. Ее командир, безусловно, захочет посмотреть в зенитный перископ. И действительно, через несколько минут белый штрих пены прочертил поверхность моря. Лодка повторила маневр еще и еще раз, стараясь опознать самолет. Наконец, опознав немецкую транспортную машину, лодка вынырнула. Вот показалась рубка, длинное тело носового орудия. Пена сбегала с лодки, растекаясь широким белесым клином. Вот откинулась крышка люка, и на мостике мелькнули человеческие фигуры. Хобот пушки опасно уставился в небо, следя за самолетом. Но выстрелов не было. Найденлов стал снижаться, стараясь разглядеть опознавательные знаки судна. К его удивлению, их не было. Он еще раз сделал круг над лодкой и вдруг заметил, что матросы вешают на ее рубку щит с ярко нарисованным черно-белым крестом. Лодка была немецкой. В нарушение всех норм международного права она не носила своего знака постоянно и, видимо, вывешивала тот, какой был удобен ее командиру в данный момент.

Надежда на помощь со стороны лодки была для Найденлова потеряна. Немыслимо было теперь и набрать потерянную высоту. Машина не слушалась. Хотя Найденлов продвинул секторы почти доотказа, самолет с трудом тянул по горизонтали. Экипаж лодки высыпал на палубу. Бинокли немцев обратились вслед уходящему «Юнкерсу». В воздух взвилась зеленая ракета. Но, к счастью для Найденлова, расстояние между ним и лодкой увеличивалось с достаточной быстротой. Скоро ее серые контуры слились с водой. Впрочем, радость, испытанная при этом Найденловым, была непродолжительной: через десять-пятнадцать минут все равно нужно было садиться.

Садиться в море на сухопутной машине?! Найденлов нервно передернул плечами.

Он снова и снова оглядывал горизонт. Ничего — кроме неприветливого моря и хмурого, низко нависшего неба. Коегде на темной поверхности воды белели пятна пловучего льда, — небольшие, разбитые течениями и выветренные остатки паков. Нечего было и думать совершить на них посадку.

«Юнкерс» шел над самой водой, едва не сбивая гребешки волн. Найденов не выпускал бесполезного шасси. Садиться нужно на брюхо. Он не представлял себе, сколько времени самолет сможет продержаться на воде: час, полчаса, может быть пять минут...

Едва машина коснулась воды и замедлила движение, Найденов бросился к надувному тузику, развернул его и присоединил к вентилю патрубков баллона со сжатым воздухом. Однако тузик оставался такою же кучей дряблой резины, как был. Баллон был пуст. Недолго думая, Найденов схватил бесполезный теперь кислородный баллончик и присоединил его к шлангу. Лодка начала раздуваться. Израсходовав весь бортовой запас кислорода, он кое-как надул лодку и сложил в нее все, что могло оказаться полезным в предстоящем плавании. К тому времени, когда у него все было готово, вода появилась уже в кабине самолета. Найденов вытолкнул тузик на воду и сошел в него.

Он машинально взял весло, но тут же с досадой положил его обратно. Куда грести? Зачем? Спешить в неизвестность со скоростью мили в час? Не лучше ли побереечь силы?..

Впервые за последние дни он с наслаждением вытянулся. Надутая резина пружинила под ним, как хороший матрац. Найденов проверил спасательный жилет, и надел его на себя. Из второго устроил удобное изголовье, натянул на себя вместо одеяла подбитый войлоком чехол от мотора и закрыл глаза.

Найденов спал крепко. Он не чувствовал, что ветер делался все крепче, порывистей, срывая с валов гребешки и разбрасывая их мелкой пылью, то и дело кропя крошечную лодочку и спящего в ней летчика. Он не видел, что волны становились все больше и по временам поднимали тузик так высоко, что с него можно было обозреть весь горизонт.

Найденов спал, словно ему и дела не было до темнеющего неба, до надвигающегося шторма, до всего, что творилось вокруг. Не спи Найденов так крепко, он, вероятно, заметил бы на горизонте дымки проходящих кораблей. Однажды темный силуэт эсминца пронесся так близко, что волной от его винтов несколько раз подкинуло тузик. Но Найденов только перевернулся с боку на бок и пробормотал что-то во сне.

Непроницаемая темнота ночи окутала вселенную. Может быть, Найденов умудрился бы проспать и всю ночь, если бы крутая волна не обдала его холодным душем. Он очнулся и принялся вычерпывать воду. Но не успел он вычерпать и половины, как еще более сердитая волна снова окатила его.

Найденов удивился, что вода попадает через борт легкой лодочки, которая должна была бы легко скользить по самой крутой волне. Он ощупал борты лодки и убедился в том, что они утратили первоначальную форму и упругость. Значит, клапан пропускал воздух. Мороз подрал Найденова по коже при мысли о том, что произойдет, когда воздух перестанет держать тузик на воде. Утонуть Найденов, конечно, не утонет: у него два спасательных жилета. Но долго ли выдержишь в ледяной воде?

В безнадежных попытках исправить клапан и вычерпать воду прошла вторая половина ночи.

Судя по хронометру, уже пора было притти рассвету, но восток, плотно обложенный черными комьями туч, был по-прежнему темен. Небо стало даже еще мрачней, чем ночью. В разрывы облаков не выглядывали больше ни месяца, ни звезды.

В непроглядной тьме не было видно ничего. Ждать огней какого-либо судна? В такое время с огнями не ходят. Впрочем, даже если бы корабль и появился, у Найденова не было шансов на то, что его заметят.

Найденову не раз приходилось читать истории о страхе медленно приближающейся смерти. Теперь он имел возможность на собственном опыте проверить их правдивость. И он понял: разговоры о лишней секунде жизни — не пустая болтовня. Глядя, как съезживается оболочка тузика, он считал кубические сантиметры ушедшего из нее драгоценного воздуха. Но чем неотвратимее казалась гибель, тем яростней становилось желание жить, уверенность в том, что он не имеет права умирать. Его жизнь нужна. В ней нуждается родина и его друзья, спасение которых, — он был в этом убежден, — зависит от него. Наконец, он и сам не желал умирать. Чорт побери! Он любил жизнь. В ней оставалась Валя... Пугала не смерть, а ее бессмысленная ненужность.

Оболочка лодки сморщилась, как кожа выжатого апельсина. Вода свободно перекачивалась через борты. Найденов повесил на грудь мешочек с печеньем и флягу с

копьяком, обмотал вокруг шеи запасный плавательный жилет. Спокойно, словно посторонний зритель, он стал следить за погружением своего суденышка, твердо зная, что оно должно утонуть...

60. КОРАБЛЬ СМЕРТИ

Найденову показалось, что в монотонное урчание воды, перекатывавшейся через шлюпку, вмешался посторонний звук, похожий на равномерные всплески волн у набережной... Он с удивлением поднял голову, прислушался. Можно было подумать, будто поблизости берег.

Найденов оглянулся. Восток уже достаточно посветлел. Волнующаяся поверхность моря была залита розовато-серой мглой. Разумеется, никакого берега не было и впомине. Но в тот же миг Найденов едва не вскрикнул от неожиданности: из-за гребня высокой волны показалось что-то большое, темное и тотчас исчезло. Найденов встал, чтобы лучше видеть, но провисшее днище тузика уже не держало его: оно прогнулось. Найденов потерял равновесие и упал за борт. Спасательные жилеты, намочнув, сразу раздулись и вынесли его на поверхность. Он освободился от обуви, расстегнул ремень автомата, освободился от всего, что мешало держаться на воде.

Жилеты могли держать его сколько угодно. Он легко скользил по поверхности волн, плавно взбираясь на гребни и ныряя вниз по их скользкому скату, как на американских горах. Попав на вершину волны, Найденов поспешил оглядеться, надеясь найти тот большой темный предмет, который промелькнул перед ним. Даже если это всего только небольшой риф, земля должна быть...

Найденов не окончил мысли: его взору представилось нечто столь неожиданное, что он готов был зубами вцепиться в скользкую грудь волны, чтобы еще хоть на секунду удержаться на ее гребне. Но волны не ждали, — не прошло и двух-трех секунд, как Найденов был низвергнут в пропасть, откуда ему были видны только клочья низко бегущих туч. Он с нетерпением ждал следующего вала. Когда его снова подняло волной, он окончательно убедился в том, что виденный корабль — не галлюцинация. Найденов мог даже поклясться, что в одном из иллюминаторов мерцал свет.

С каждой новой волной расстояние между Найденовым

и судном уменьшалось. Вскоре Найденев оказался под его бортом.

На крик никто не отозвался. На судне не было заметно никакого движения.

Ни за кормою, ни под носом корабля не было пены. Не слышно было и ударов винта. Можно было подумать, что корабль дрейфует с застопоренными машинами.

Теперь, вместо того чтобы плыть к кораблю, Найденеву приходилось сопротивляться волнам, грозившим разmozжить ему голову о стальные борты. Найденев поплыл вокруг корабля. Ни трапа, ни хотя бы какого-нибудь конца, за который можно было ухватиться.

Вдруг Найденев увидел латинь. Благодаря неподвижности судна лить свисал с фальшборта почти вертикально. Несколько сильных взмахов, и Найденев крепко ухватился за конец. Это был обычный манильский тросик патентованного лага.

Найденеву никогда раньше не приходилось задумываться над тем, на какое сопротивление рассчитан лагиль, так же как он не интересовался и тем, способен ли лаг на приборе выдержать вес человеческого тела. Но другого выхода не было, и Найденев смело повис на лине. Взбираться было нелегко: мокрый тонкий лить выскользывает из рук. И все же через минуту Найденев мог уже достать носком до иллюминатора, а вслед за тем он ухватился за поручни и прыгнул на палубу судна.

Его поразило, что даже теперь никто не обратил внимания на его появление. Как видно, вся вахта позорно спала.

Первым, кого Найденев увидел, был вахтенный на полуяте. Он спал, примостившись за виндзейлем. Когда Найденев проходил мимо, матрос даже не поднял головы...

Миновав погруженный в тишину шкафут, Найденев поднялся на мостик. В ходовой рубке, разметавшись на диване, лежал штурман. Одна рука его с зажатым циркулем еще покоилась на картах, разбросанных по столу. Сквозь растворенную в штурвальное отделение дверь проникал свет. Найденев увидел рулевого, всем телом навалившегося на штурвал и совершавшего какие-то странные, судорожные движения. Можно было подумать, что он боролся с непослушным рулем. Приблизившись, Найденев понял, что на рулевой борется со штурвалом, а штурвал мотает рулевого,

мешком повисшего на его спицах. Найденов схватил матроса за плечо, откинул ему голову, — рулевой был мертв. Страшная догадка мелькнула у Найденова. Он вернулся к штурману, к вахтенному на палубе — все они были мертвы...

Мысль о том, что он попал на корабль, пораженный какой-то страшной эпидемией, заставила Найденова содрогнуться. Но отступить было некуда.

Он вспомнил, что еще с воды видел в одном из иллюминаторов свет. Быть может, на судне есть живые люди, нуждающиеся в помощи.

Осторожно отворив дверь, он спустился в жилую палубу. Его уже не так поразил вид кают-компаний, где в необычных позах сидело несколько офицеров. Одни из них откинулись на спинки кресел, другие уронили головы на стол. Тарелки с недоеденными кушаньями и недопитые стаканы свидетельствовали о том, что смерть поразила офицеров неожиданно.

Капитана Найденов нашел в его салоне за письменным столом. Офицер сидел выпрямившись, с вытянутыми на столе руками. В правой руке был зажат судорожно смятый лист бумаги.

Найденов обратил внимание на то, что глаза у всех мертвецов налиты кровью...

Чем дальше шел Найденов, тем тверже становилась его уверенность, что смерть настигла экипаж корабля одновременно и для всех одинаково неожиданно. Люди умерли, не успев даже изменить своих поз. Глядя на машинную команду, можно было подумать, что она замерла в ожидании звонка машинного телеграфа. Буфетчик привалился к рундуку в своем закутке, словно продолжая вытирать тарелку окостеневшей рукой. Хуже пришлось кочегарам. Некоторые упали на горячие котлы; один из них до самых плеч засунул руки в разверстную топку. Не лучшая участь постигла и кока, повалившегося в котел и сварившего мертвой команде суп из собственной головы...

Сколько ни бродил Найденов по кораблю, он не мог найти ни одного живого существа.

Он пришел к выводу, что смерть не могла быть результатом ни эпидемии, ни какого бы то ни было заболевания. Судя по всему, смерть распространилась по кораблю с молниеносной быстротой.

Найденову очень хотелось осмотреть весь корабль, но внутренние помещения были еще погружены во мрак: электричества не было, а тусклый свет утра только еще пробивался в иллюминаторы. К тому же Найденов был слишком утомлен ночью, проведенной в тузике. Поэтому он решил прежде всего выспаться, а потом уже до конца обследовать судно и найти причину загадочной гибели экипажа. Отыскав свободную офицерскую каюту, Найденов заперся в ней и повалился на мягкую койку.

Как ни крепко спалось Найденову, он все же проснулся от шороха около двери. Ему послышались осторожные шаги. Вот они удаляются, вот затихли... Найденов с трудом оторвал голову от подушки: голова болела, словно от сильного угара, в висках стучало, сухой кашель разрывал грудь. Найденов отдернул штору и распахнул иллюминатор. Яркий солнечный свет ударил в каюту вместе со струей свежего воздуха. Преодолевая желание снова лечь, Найденов заставил себя умыться. Стоя над умывальником, он заметил, что медная отделка покрыта ярко-зеленой окисью, словно ее нивесьть сколько времени не чистили. Но предположение о нерадивости команды Найденов тут же отбросил: потемнели все открытые металлические предметы в каюте, вплоть до пуговиц на одежде, развешанной по переборкам.

Найденов принюхался. В каюте не было никакого подозрительного запаха, хотя ему было ясно, что воздух в ней отравлен: пуговицы его собственного комбинезона тоже начали темнеть.

Это открытие заставило Найденова поспешить с осмотром судна. Войдя в кают-компанию, Найденов замер на пороге: за столом никого не было. Он бросился на палубу. Не было ни вахтенного помощника в штурманской рубке, ни рулевого, ни матроса на полуюте. Все исчезли.

Не без колебания Найденов вернулся во внутренние помещения судна. Обходя кладовые, Найденов обнаружил нечто, могущее, как ему казалось, служить ключом к страшной загадке смерти экипажа: целый склад баллонов, в каких перевозят сжатый газ. Несколько из этих баллонов оказались откупоренными. Все металлическое в самой кладовой и поблизости от нее было покрыто толстым слоем окиси. Найденову стало совершенно очевидно, что не только окисление металла, но и смерть экипажа — не что

иное, как результат действия газа, содержавшегося в опустошенных баллонах. Как случилось, что этот газ был выпущен, имело ли в данный момент уже второстепенное значение: было ли это совершено намеренно, или явилось случайностью? Найденов почувствовал некоторое облегчение, найдя причину смерти экипажа. Он знал теперь, откуда может грозить опасность ему самому.

У Найденова возникло неприятное подозрение... Правда, название судна «Одда» и порт приписки Тромсе были норвежскими; по-норвежски были сделаны все надписи на корабле, на столах лежали норвежские газеты и книги, но одно слово, столь же короткое, сколь многозначительное, было отчетливо начертано по... немецки: предупредительная надпись на газовых баллонах — «смертельно»...

Найденов решил выяснить истинное лицо парохода. Судовой журнал был в полном порядке; он велся по-норвежски. Норвежские же морские карты лежали в рубке. Барометр, секстан, хронометры — все имело норвежские марки.

Осмотр каюты ревизора тоже ничего не дал. Оставалось заняться разборкой документов в капитанском салоне. Найденов смело переступил порог салона и... застыл как вкопанный: мертвый капитан покинул свое место. Он больше не сидел в кресле, откинувшись на его спинку, как прежде, а скорчился в койке лицом к переборке. Найденов тронул капитана за плечо. Оно было сковано холодом смерти...

Невольно озираясь на лежащего в своей нише капитана, Найденов принялся за обследование его стола. Официальные бумаги и тут были норвежскими. Но вот в одном из ящичков, которые Найденов отпирал ключами, найденными в кармане мертвеца, он обнаружил наконец объемистую кожаную тетрадь. Это был дневник. Личный дневник, автор которого в самом начале называл себя капитан-лейтенантом германского военного флота графом Хельмутом фон-Шеллинг. Был ли это тот, чей труп лежал теперь на койке? Документы, обнаруженные в кармане капитана «Одды», выданы на имя Яльмара Кнудсен... Настоящие они или только маскировка, прикрывавшая немецкого офицера?

Найденов углубился в чтение дневника. Скоро он нашел ответы почти на все интересовавшие его вопросы. Граф Шеллинг с достаточной откровенностью, почти с цинизмом

рассказывал об истинной цели своего плавания: под видом норвежского купца он должен был прорваться сквозь блокаду англичан и доставить гарнизону Туманного острова баллоны с сильнейшим из боевых газов. Этот газ обеспечил бы Вольфу-Витеме победу. Но Шеллинг опоздал. Радиogramма Витемы предупредила его в пути, что сам Витема вынужден покинуть остров, опустошенный белой смертью.

Несколько дальше Найденов нашел запись, заставившую его вцепиться в дневник, как в величайшую драгоценность, какую он когда-либо держал в руках:

«Капитан Вольф назначил мне randеву для принятия секретных документов, содержащих важную военную тайну русских. Он не хочет брать эти бумаги с собою в рейдерство. Я доставлю их в Германию...» — следовали координаты встречи, несколько коротких записей о днях, предшествовавших этой встрече, и затем:

«...вместе с документами Вольф передал мне и русского пленника — их автора. Это какой-то ученый. Я должен доставить этого волосяного чудака в Германию, где наши молодцы в черных рубашках сумеют вышибить из него тайну какого-то замечательного открытия. Если это не блеф, то его открытие должно перевернуть все представления о морской войне...»

Найденов дважды перечел неразборчивую готику Шеллинга. Да, сомнений быть не могло: речь шла о Бураго, о миле Черноморе. Профессор на этом корабле! Может быть, его труп лежит в каком-нибудь каземате под крепкими запорами. Увы, ни одна запись не давала даже намек на то, куда Шеллинг запрятал своего пленника. Найденов бережно сложил дневник и, запасшись капитанским фонарем, отправился разыскивать тайник.

Несколько часов прошли в напрасных поисках. Найденов обшарил все судно от междудонного пространства до марса — нигде никаких следов старика. Осмотрел каждый труп, — ни в одном из них не опознал он Бураго. Оставалось предположить одно — тело профессора было в числе исчезнувших ночью с корабля. Новая забота овладела Найденовым: найти причину этого странного исчезновения мертвецов. Найденов не верил в чудеса. А между тем...

...Между тем он напрасно потратил время на поиски того, кто мог бы выкинуть трупы за борт. Найденов мог дать го-

лову на отсечение, что ни одного живого существа, даже крысы, на «Одде» не осталось. Бежать с корабля похититель трупов тоже не мог: все шлюпки и моторный катер были на месте...

Найденев вернулся в капитанский салон и занялся поисками документов, полученных Шеллингом от Витемы. Судя по записи в дневнике немца, среди них находились материалы Бурого—Житкова, похищенные Витемой. Вскрытие сейфа не доставило хлопот: ключи капитана были к услугам Найденева. И вот драгоценные бумаги были в его руках — весь пакет, о котором ему рассказывал Житков. Беглый просмотр убедил Найденева в том, что вопрос освещен тут с полнотой, могущей послужить отличной базой тому, кто принялся бы за работу. Если у Витемы не осталось копии бумаг, можно было быть спокойным: немцам без помощи Бурого или Житкова никогда теперь не восстановить утраченное.

976671
Нужно было решить вопрос: вернуться ли на родину, чтобы немедленно приступить к реализации отнятого у похитителей открытия, или сделать попытку спасти Житкова, оставшегося в лапах Витемы?

Надвигалась ночь. В темноте Найденев все равно не мог осуществить никаких приготовлений к бегству с этого плювучего кладбища. Он решил заняться тем, о чем уже давно и довольно настойчиво напоминал ему желудок, — подкреплением сил. Искать пищу пришлось недолго. Ею были полны баталерка и оба камбуза. Значительная часть консервных банок, смазанных салом или завернутых в промасленную бумагу, так же как и стеклянные банки с компотом и разными деликатесами, не пострадала от газа. Найденев смело пустил их в ход и уселся за ужин, которому позавидовал бы сам покойный граф Шеллинг. Бутылка отличного вермута окончательно настроила Найденева на оптимистический лад. Он взял кофейник и чашку и решил, что хорошо проведет ночь в каюте, где уже спал. Она, вероятно, проветрилась, койка в ней достаточно удобна...

Найденев повернул ключ, толкнул дверь каюты, м... кофейник и чашка вылетели у него из рук, выпитые каким-то тяжелым предметом. Найденев отскочил. Пудовая кувалда лежала у его ног на палубе каюты. Кувалда пролетела в каком-нибудь дюйме от его головы. Он увидел над дверью нехитрое приспособление из гвоздя и веревки, приведшее в действие западню.

Найденов стоял в нерешительности: какие сюрпризы могли быть еще подготовлены в каюте? Он все же вошел и притворил за собою дверь, но тут же вспомнил о газовых баллонах, направился к складу и навесил на его дверь тяжелый замок. После этого заглянул в офицерские каюты и запасся двумя парабеллумами девятимиллиметрового калибра. Теперь он был уверен, что сумеет справиться с нападением целой банды врагов.

Вот когда он с удовольствием проглотил бы чашку кофе, но, увы, исковерканный кофейник был пуст. Найденов запер дверь каюты, повалился на койку и почти мгновенно заснул, твердо решив с первыми лучами солнца приняться за подготовку похода на моторном катере.

Бутылка вермута, свежий северный воздух, врывающийся в распахнутый иллюминатор, утомление трудного дня и молодость — все вместе делало сон Найденова крепким и спокойным, несмотря на тревогу, не покидавшую его даже во сне. И все же он услышал, как медный наконечник брандспойта, спустившийся снаружи к его иллюминатору, едва слышно звякнул о сталь обшивки и остановился. Так он покачивался, как бы выжидая: не проснулся ли Найденов? А Найденов и сам не знал, чудится ли ему это во сне, или он действительно приоткрыл глаза и видит, как из медного наконечника брандспойта стекает к иллюминатору желтоватая струйка густого тяжелого газа... Газ растекается, заволакивает иллюминатор, разносится легким морским ветерком вдоль борта...

Найденов вскочил и, захлопнув иллюминатор, быстро завернул задрайку. В ту же секунду, сжимая в руках пистолеты, он помчался на верхнюю палубу. Толстые шерстяные носки делали его шаги неслышными. Несколькими прыжками он преодолел коридор и взлетел по трапу на палубу. В том месте, под которым была расположена его каюта, он заметил силуэт человека и, не раздумывая, дал по нему несколько выстрелов. Человек остался на месте, и через мгновение Найденов уже схватил его за плечо, но тут же в ужасе отпустил: это был окоченевший труп какого-то матроса.

61. ПРИВИДЕНИЕ, КОТОРОЕ СТРЕЛЯЕТ

Остаток ночи прошел спокойно, если не считать того, что еще несколько раз Найденову чудились чьи-то крадущиеся шаги в коридоре и что, спрятавшись за притворен-

ной дверью, он даже как будто видел однажды силуэт человека.

После утреннего завтрака он приступил к осмотру моторного катера. Проверил мотор, заполнил бак керосином, тщательно упаковал запасные бидоны. Немало внимания уделил он и парусному вооружению катера. На это ушла большая часть дня. К заходу солнца он успел только подготовить к погрузке продукты, одеяла, брезент и другое снаряжение, необходимое для продолжительного плавания. Завтра утром оставалось разместить все это в катере, положить туда же карты и навигационные инструменты и — в путь.

Уже в полутьме Найденов развернул боканцы, тщательно разобрал гали и пристроил их так, чтобы иметь возможность, сев в катер, самому стравить его. Лишь после этого он занялся ужином. После ужина он прихватил бутылку коньяку, оделся потейлей и, отправившись в рубку, устроился на диване так, чтобы все время видеть картушку. Не желая тратить силы на удержание штурвала, он закрепил колесо тросом.

Единственной неприятностью предстоящей ночи было то, что ему, повидимому, не придется выспаться. Нужно будет провести почти все время на ногах около штурвала. Если до сих пор Найденову было почти безразлично, как дрейфует «Одда», то теперь нужно было держать так, чтобы обезопасить катер и запас продуктов около него от сильной качки.

Выбирая место в рубке, Найденов все время помнил о катере. Кто знает, чего можно ждать от беспокойных мертвецов, населяющих корабль? В том, что покойники продолжают проявлять необъяснимую активность, он убедился еще раз, спустившись в капитанский салон за астрономическими таблицами. Капитан переселился с койки на палубу. Он сидел, прислонившись к переборке и уставившись широко открытыми стеклянными глазами на дверь. Ящики стола были выдернуты, бумаги раскиданы, содержимое платяного шкафа и чемоданов разбросано по палубе. Найденов сразу догадался, чего искали в капитанском салоне. При этой мысли он удовлетворенно усмехнулся: документы Бурого лежали у него в кармане.

Вспомнив о дневнике капитана, Найденов подумал, что, может быть, под словами «секретные документы, получен-

ные от Вольфа», Шеллинг разумел не только бумаги Бураго. Там могли быть и другие ценные документы. Найденов методически, листик за листиком, пересмотрел дневник. Тут было от чего задрожать рукам. Точные планы фортификационных сооружений Туманного, карты минных полей, преграждающих доступ в немецкие порты, секретный код радиосигналов — все было тут. Нашлась даже копия радиogramмы главному морскому штабу о том, что обстоятельства заставляют Вольфа-Витему изменить название своего корабля и что он намерен начать рейдерство. Далее Витема давал свои позывные и волну для различного времени суток. Найденов не мог отказать себе в удовольствии встретиться с Витемой и отправился в радиорубку.

Составляя депешу от имени Шеллинга, он мельком глянул на карту и пометил первое, что попало на глаза:

«...прошел траверз острова Рольфа, приближаюсь Хаммерфесту...»

Дальше шли малозначащие пустяки: сообщение о здоровье русского пленника, пожелание счастливого плавания и, как бы невзначай, просьба сообщить свое место и намерения.

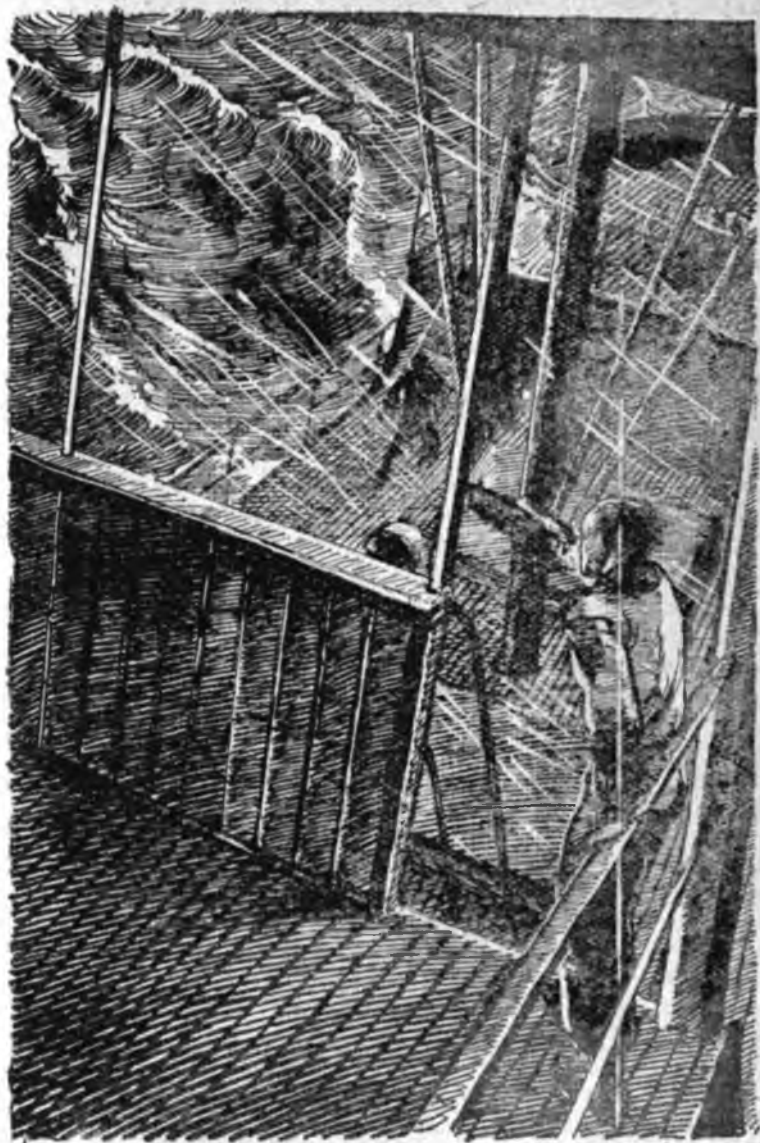
Довольно ограниченные познания в радиотехнике вынудили Найденова изрядно повозиться, прежде чем передача наладилась.

К радости Найденова, Витема не заставил себя ждать. Витема выражал свое удовлетворение по поводу того, что у Шеллинга все благополучно; просил не рисковать встречами с английскими кораблями; ради сохранения доверенного ему пленника и важных документов советовал идти фиордами. Наконец он давал свое место.

Найденову хотелось протереть глаза, когда он, глянув на карту, увидел координаты Витемы. Если сам он не ошибся в определении места «Одды», то они были с Витемой близкими соседями: того и гляди, течения и ветры, игрушкой которых является «Одда», столкнут ее с кораблем Витемы...

Такая перспектива заставила Найденова снова поспешить в ходовую рубку. Там он мог делать сразу два дела: кое-как управлять кораблем и наблюдать за катером, приготовленным к походу.

Нервное напряжение заставляло Найденова при каждом подозрительном звуке хвататься за винтовку. Но как тут

Не раздумывая, Найденов разрядил в него всю обойму..

было отличить подозрительные звуки от неподозрительных? Ветер усиливался. Его гул в снастях переходил в резкий посвист. Волнение росло и все крепче клало «Одду» с борта на борт. В ней стучали и гремели тысячи непринаитовленных предметов.

Найденов беспокойно поглядывал на катер. Нужно было прежде всего убрать с палубы приготовленные продукты, одеяла и прочие принадлежности похода.

Когда продукты были перенесены им под крышу, следовало подумать о том, чтобы укрепить по-штормовому катер, боканцы которого Найденов еще днем развернул на спуск. Это было нелегко: когда «Одда» ложилась правым бортом, волны обдавали и Найденова и катер, грозя слизнуть его. Ценою в кровь изодранных рук Найденову удалось наконец ослабить тали, натянутые сдвинувшимся с подушек катером, чтобы дать ему возможность встать по месту. Тут Найденову показалось, что в рубке, где лежали все его мореходные инструменты и карты, промелькнула тень человека.

Найденов взгляделся. Прежде чем он отдал себе отчет в том, что не галлюцинирует, в окошке рубки сверкнула короткая, как молния, вспышка выстрела. Другая... третья... Пуля вдребезги разнесла блок, через который Найденов только что пытался протащить заевший трос. Забыв о катере, о шторме, обо всем на свете, кроме желания схватить наконец своего таинственного врага, Найденов бросился на мостик. Но там никого уже не было. Не было и его собственной винтовки. Трос, которым он подвязал колесо штурвала, был перерезан, как бритвой. Пока Найденов исправлял это приспособление, чтобы избавить «Одду» от бортовой качки, прошло минут десять. Когда он, окончив работу, побежал на правое крыло мостика, чтобы спуститься к катеру, то едва не скатился с трапа и не мог удержаться от громкого ругательства: ветер развевал болтающиеся на боканцах концы обрезанных талей. Катер исчез. Найденов мельком увидел его в тот самый момент, когда волна несла его на борт «Одды». Послышался крепкий удар, и... катер перестал существовать.

Найденов окинул взглядом палубу и на этот раз отчетливо увидел в конце спардека человека, бегущего к корме. Не раздумывая, Найденов разрядил в него всю обойму парабеллума, но, как и прежде, его таинственный противник исчез так же неожиданно, как и появился.

Найденков всердцах переменял обойму. Он решил, чего бы это ему ни стоило, найти своего врага. Соседство привидения, умеющего стрелять и, как бритвой, перерезать трехдюймовые тросы, совершенно не устраивало его. Он не спеша пошел к тому месту, где видел человека. Посветил фонариком и протяжно свистнул: на переборке виднелись капли крови...

Наутро Найденков проклинал себя за то, что сразу же ночью не пошел на поиски таинственного врага. Очнувшись от короткого сна, которым помимо воли забылся в рубке, он сделал новое открытие: оба трапа, ведущие из ходовой рубки на верхнюю палубу, были разобраны. Из них были вынуты все ступеньки сверху донизу. Найденков был поражен: это было сделано так бесшумно, что не нарушило его тревожного сна. Разумеется, для Найденкова не составило бы труда соскочить с мостика, но как он попадет обратно? Всякие времянки или тросы, которые он приладил бы уходя, его противник мог при желании легко уничтожить. А это значило, что Найденков будет лишен возможности добраться до штурвального отделения и хоть сколько-нибудь влиять на судьбу несчастной «Одды». С другой стороны, оставаясь на мостике и в рубке, Найденков тем самым отдавал все остальное судно во власть противника. Было над чем пораздумать!

Палуба мостика побелела от соли. Найденков, стараясь сохранить равновесие на этой скользкой, как лед, поверхности, ловил в секстан низкое солнце, изредка выглядывавшее в разрывы туч. Наконец это ему удалось. Он поднял к глазам хронометр, и... что-то с силой вырвало у него из правой руки секстан и швырнуло о поручни. Найденков тотчас присел и отскочил в сторону. В то же мгновение вторая пуля пронзила брезент фартука там, где он только что стоял.

— Чорт возьми, это становится скучно! — пробормотал Найденков и, распластавшись на палубе, приподнял фуражку над брезентом. Она тотчас была пронизана пулей.

«Стрелок не плох,—подумал Найденков.—Удивительно, что он испортил секстан, а не мою голову. Ошибка всего на какой-нибудь сантиметр...»

Судно повернулось бортом к волне. Найденков прополз к трапу и быстро скатился в рубку, чтобы заняться штурвалом. Но тотчас же он убедился, что все его усилия бесполезны: колесо штурвала вращалось свободно, не

оказывая никакого влияния на движение судна. Либо сорвано перо руля, либо нарушена передача от штурвала к румпелю.

Найденов решил найти повреждение и, набив карманы патронами, прыгнул на палубу с левого крыла мостика. Расчет был верен: враг его не видел. Найденов быстро обнаружил повреждение: штуртрос был перерублен. Это открывало новую сторону в невидимом противнике: ему, повидимому, не было никакого дела до положения «Одды». Судя по всему, во имя гибели Найденова, его враг решил отказаться от собственного спасения. Это делало борьбу неравной.

Хлопок выстрела прервал размышления Найденова. По начавшей уже вырабатываться привычке он тотчас присел за выступ трюма номер три. Было ясно: в любую минуту, где бы он ни находился, Найденов должен был ждать пули.

Ну что же, он готов! Но пусть уж не посетует и враг: Найденов будет также беспощаден.

Если до сих пор во всем этом происшествии для Найденова оставался еще некоторый налет таинственности, то теперь всякие следы ее исчезли. Его противник был самым обыкновенным, живым немцем, по той или иной причине уцелевшим на «Одде». Обнаружив появление постороннего, немец решил уничтожить случайного свидетеля приготовлений Германии к химической войне. Все оказывалось чертовски простым.

У Найденова не было желания погибать во имя сохранения тайны подготавливавшегося немцами варварского преступления. Он не только хотел жить, но считал себя обязанным сохранить жизнь. Лишь этой ценой он мог спасти доставшиеся ему документы.

Не выпуская из руки пистолета, он еще раз крадучись обошел несколько кают и раздобыл себе винтовку с достаточным количеством патронов. Это уравновешивало его шансы с врагом.

Но, пока он рыскал по каютам, враг, видимо, выработал какой-то новый план: Найденов нашел все двери в проходах на нос запертыми. Он был теперь лишен возможности проникнуть в носовую часть судна. Пройти по открытой палубе — значило подставить себя под выстрелы немца. Найденов решил, что лишит врага этого удовольствия и попросту откажется от посещения офицерских кают, кают-

компании и офицерского камбуза. Правда, в матросском камбузе он не найдет особых разносолов, но голодная смерть ему не угрожает. Он охотно уступает противнику право на офицерский стол.

Найденев решительно повернул назад, намереваясь прежде всего заняться приготовлением чашки крепкого кофе. Только теперь, подумав о кофе, он понял, до чего проголодался и устал. Он подошел к камбузу и...

— Подлая тварь! — вырвалось у него, когда он понял, что план врага был продуман во всех деталях: изолируя Найденева в корме, немец не оставил ему ничего пригодного в пищу. Посреди камбуза лежал откупоренный баллон с газом. Все вокруг покрылось хлопьями окислившегося металла. Продукты, вода — решительно все было отравлено. Металлические банки с консервами были проткнуты, деревянный бочонок с пивом открыт. С пресловутой, немецкой педантичностью было предусмотрено все...

Если до этого момента Найденеву только хотелось есть и пить, то теперь он понял, что без глотка кофе или хотя бы воды он не может жить. Горло сдавила судорога. Он сжал кулаки в бессильной злобе, но тотчас овладел собой. Он постарался хладнокровно продумать положение. Беспощадному плану немца следовало противопоставить свой, ни на иоту не менее четкий и ясный план борьбы.

Через несколько минут Найденев был у внутренней двери, ведущей по коридору в нос, и тщательно осмотрел ее. Ключ торчал с противоположной стороны, зато со стороны кормы оказались все аварийные задрайки. Делом минуты было тихонько повернуть их, и дверь была надежно задраена.

Быстро перебежав в проход левого борта, Найденев проделал то же самое. Затем настала очередь всех дверей, ведущих из кормовых помещений на верхнюю палубу.

Через десять минут он был уверен, что ни одно живое существо не может помимо его воли проникнуть сюда с носа.

После того он спустился в машинное отделение и, отыскав маховик управления клинкетами, привел его в действие. Даже сквозь грохот волн было слышно, как со стуком встали по месту тяжелые стальные заслонки в водонепроницаемых переборках. Кормовая часть «Одды» была окончательно изолирована от носовой.

Найденков еще раз внимательно проверил оружие. Набил карманы винтовочными обоймами и патронами для пистолета.

Он готов был начать наступление.

Но странно — немец как будто потерял охоту драться. Или он замыслил что-либо новое? Найденков вспомнил про баллоны с газом. Уж не собирается ли немец ответить газовой атакой?..

Найденков на цыпочках побежал к корме. Быстро проник в румпельное отделение и, протиснувшись в узкий лючок, — единственное отверстие, соединявшее теперь внутренность кормы с верхней палубой у самого гакаборта, — что было духу помчался на бак. Два раза его сбивала с ног волна. Один раз удар был так силен, что он едва не потерял сознание. Стекающая с палубы вода влекла его за собой, и он уже решил, что борьба бесполезна, но, к счастью, застрял в сетке релинга. Этот удар моря стоил ему пистолета. Но винтовку он продолжал судорожно прижимать к себе.

Немца нигде не было. Найденков увидел, что сила шторма спадает так же стремительно, как он налетел на «Одду». Судно раскачивалось на пологих, как стеклянные холмы, волнах зыби. Не было ни ветра, ни белых гребней гневной бури.

Под косыми лучами солнца море светилось зеленым сиянием. Оно выглядело величественно, но вовсе не грозно. Было трудно поверить, что по его вине «Одда» выглядит, как после жестокой битвы. Не осталось квадратного метра палубы, не носящего следов разрушения. У бортов — ни одной шлюпки. Боканцы сиротливо глядели в небо вопросительными знаками своих балок. Беспорядочно болтались оборванные тали. Блоки уныло хлопали по железу. Форстенга была обломана у самого марса. Из четырех стрел фока две были сорваны, третья уперлась в крышку первого люка. На шкафуте виднелась груда скрученного железа, в которую превратилась кормовая надстройка.

На палубе царил относительная тишина. Удары руля по корме прекратились. Очевидно, перо его было сорвано, и «Одда» перестала быть управляемой. Заглянув через борт, Найденков понял, почему раскачивание «Одды» стало меньше: судно сидело гораздо выше ватерлинии. Не было ничего удивительного, что оно набрало воды. Если получен-

ная от руля пробоина или течь, образовавшаяся между разошедшимися листами обшивки, велика, устойчивость судна будет быстро увеличиваться за счет... его быстрого погружения. При этой мысли Найденов обвел взглядом горизонт и замер от радостной неожиданности: четкий силуэт корабля вырисовывался за скатившейся от горизонта волной. Вот корабль исчез за новым валом, снова вынырнул.

Найденов ясно видел: то был трехмачтовый парусник.

Пренебрегая опасностью получить напоследок пулю, Найденов вскарабкался на мостик и взял бинокль. Он наслаждался видом стройных очертаний корабля, плавно, но уверенно взбиравшегося по склонам водяных холмов. Нельзя было не заглядеться на бег судна. Его линии были прекрасны. Высокие мачты, одетые фестонами парусины, выглядели нарядно. Найденов даже забыл о немце, о том, что с каждой минутой «Одда» все глубже погружается в море. Впрочем, это и не заботило больше Найденова. Он был уверен, что на паруснике заметили его бедствующий корабль. Парусник лег на другой галс; резко изменив курс, он шел на сближение с «Оддой». С каждой минутой очертания судна-спасителя делались ясней. Вот до его гордо поднятого бушприта осталось не больше двадцати кабельтовых. Найденов видел уже золото надписи на остром носу. Напрягая зрение, он прочел эту надпись: «Черный орел». Повидимому, это было американское судно. Только нейтральный торговый корабль мог решиться приблизиться к зоне военных действий. Через несколько минут Найденов убедился в том, что не ошибся: к гафелю приближающегося судна не спеша пополз звездный флаг Штатов.

Найденов опустил бинокль и вернулся в рубку за мегафоном. Прежде чем на паруснике успеют спустить шлюпку, он крикнет им, чтобы запаслись предохранительной одеждой. Нужно будет захватить отсюда несколько баллонов со смертоносным газом — свидетельство преступления, задуманного немцами. Он непременно присокупит дневник Шеллинга к судовому журналу. Все вместе послужит великолепным обличающим материалом против немцев...

Неожиданный удар орудийного выстрела, донесшийся с кормы, потряс «Одду». Найденов быстро оглянулся на

корму: из-под полуразбитых щитов маски на юте глядело орудие. Дымок выстрела еще сочился из ствола. Найденов увидел спину человека, посылающего в казенную часть новый патрон. Второй выстрел раздался за первым.

Все это было так неожиданно, так чудовищно нелепа была эта стрельба по судну-спасителю! Опомнившись, Найденов схватил винтовку и вскинул ее, чтобы послать пулю немцу, но его внимание отвлек огромный фонтан воды, возникший под самым бортом «Одды». Это был разрыв снаряда, посланного с парусника. Найденов перевел взгляд на американца, и тут его ждала новая неожиданность: американского флага не было и в помине, вместо него под гафелем полоскался немецкий военный флаг.

Найденов думал, что после этого немец на «Одде» немедленно прекратит огонь. Ничуть не бывало: с еще большей яростью тот стал посылать в «Черного орла» снаряд за снарядом.

Найденов в полном недоумении опустил винтовку. Он перестал что-либо понимать. «Черный орел» прекратил огонь; на его рее взвился сигнал: «стреляете по своим».

Не получая ответа, на «Орле» повторили сигнал. Затем последовал приказ: «прекратите огонь». Но странный артиллерист на «Одде» продолжал стрелять. Посланный им снаряд разорвался на палубе «Орла». Найденов видел, как от парусника отвалил моторный катер и стрелой понесся к «Одде». Через несколько минут матросы с автоматами были на палубе «Одды». Офицер с катера крикнул:

— Свяжите этого идиота и кидайте сюда!

Найденов узнал в офицере Витему.

62. КАПИТАН ВИТЕМА ЛЮБИТ СТИХИ

Стоя на юте «Черного орла», Житков наблюдал происходящее. Ему уже не раз приходилось видеть, как «Орел» пожинает плоды своего предательства, но впервые он видел, чтобы жертва, к тому же находящаяся в столь жалком положении, так свирепо отгрызалась. Он не сразу догадался и о том, почему Витема, не церемонившийся со встречными купцами не только враждебных, но и нейтральных стран, не пустил сразу ко дну эти жалкие остатки парохода. Лишь разобрав на корме «Одды» ее название,

Житков понял, что это то самое судно, которому Витема передал на randеву профессора Бураго.

При виде бедственного полсжения, в каком находилась «Одда», крайнее беспокойство овладело Житковым. Он боялся за Бураго. Никто иной, кроме Бураго, не мог бы оказать столь яростного сопротивления Витеме. Вероятно, экипаж покинул «Одду». Эта мысль укрепилась в Житкове, когда он увидел, как после недолгой перестрелки и какой-то возни на палубе «Одды» двух связанных людей спустили в катер.

Не в силах выдержать волнения, Житков вцепился в поручни, ожидая возвращения катера. Какова была его радость, когда он действительно узнал в первом же из связанных людей, поднимавшихся на борт «Орла», своего дорогого Черномора! Борода и копна седых волос были всклокочены. Платье старика висело клочьями. И все же это был Бураго, — живой Черномор! С высоко поднятой головой взошел он по трапу и, окруженный матросами, исчез в рубке «Орла». Но то, что Житков увидел в следующее мгновение, заставило его забыть только что испытанную радость и броситься к трапу: у его подножия стоял связанный по рукам и ногам Найденов. На глазах летчика была повязка. Вот матросы развязали Найденову ноги, сняли повязку с глаз и поставили его на нижнюю ступеньку трапа. Но, сделав несколько шагов вверх, Найденов вдруг остановился и обернулся к шедшему за ним Витеме. Прежде чем кто-либо успеет ему помешать, Найденов нанес удар ногой в грудь и прыгнул в воду следом за падающим врагом, как был — со связанными руками.

Раньше чем окружающие очнулись от изумления, за двумя всплесками, сопровождавшими падение Найденова и Витемы, последовал третий. Одновременно с ним раздалось ругательство караульного, приставленного к Житкову: Житков тоже исчез за бортом.

Несколько сильных взмахов, и он настит погружавшегося друга, которого волной успело отбросить к носу «Орла». Трудно описать удивление и радость, отразившиеся во взгляде Найденова, когда он узнал Житкова.

Житков сорвал с его рук повязку.

— Ты или твое привидение?.. Я думал, ты погиб на этой чортовой «Одде». — И, прежде чем Житков ответил, Найденов продолжал: — Наш Черномор, вероятно, погиб. Мало вероятия, чтобы ему удалось бежать с «Одды». По-

видимому, все погибли там от газа... Кроме одного какого-то рехнувшегося немца, которого Витема снял одновременно со мной.

— Я думал, вы вместе с Бурого отбивались от «Орла»! — удивленно воскликнул Житков.

Найденев не понял:

— Я с Бурого?..

— Не видел ты, что ли? Второй человек, снятый с «Одды», — старый Черномор!..

Найденев не ответил. По ту сторону носа послышался шум приближающегося катера, голоса.

— У меня на груди — расчеты Бурого, — торопливо сказал Найденев. — Они должны погибнуть вместе со мной. Отвлеки внимание немцев, а я... — И он сделал движение, вырываясь из рук Житкова.

— Глупости, — сказал Житков. — Дело не только в бумагах. Теперь мы все трое здесь и все трое должны жить, чтобы вырваться отсюда! — Он засунул руку за пазуху Найденева, вытащил пачку документов и проворно сунул их себе под пиджак. После этого ухватился одною рукой за мартын-бакштаг и, поддерживая другой рукой Найденева, стал ждать приближения катера.

Житков был уверен, что Витеме не придет в голову обыскивать его при возвращении на судно, как, несомненно, обыщут Найденева. Как только Найденева подняли на катер, Житков, ловко увернувшись от рук матросов, подтянулся к мартын-гику и по мартын-бакштагам и дальше по ватерштагам ловко выбрался на бугшприт. Он уже прыгивал на палубу, уверенный, что опередил всех, когда его принял в свои медвежьи объятия боцман Мейнеш.

— Вот и хорошо, — прохрипел боцман. — Теперь я знаю, что документы спасены. Давайте-ка их сюда.

Здоровенная лапа Мейнеша рванула борт пиджака Житкова. Бумаги вывалились на палубу. Борьба была бесполезна. Сжав зубы, Житков наблюдал, как Мейнеш собирал драгоценные листки...

Странная жизнь началась с этого дня для Житкова и Найденева. Во время прогулок по палубе они издали видели друг друга, но не имели возможности обменяться хотя бы словом. Одного держали на баке, другого на юте. Бурого они больше не встречали ни разу.

Каждый день то к одному, то к другому приходил Ви-

тема. Приказав удалиться караульному матросу, он усаживался в кресло, не спеша вынимал сигару, откусывал кончик, закуривал. Некоторое время молча пускал к подволоку кольца дыма, делая вид, будто безмятежно любит его синими узорами. Затем с необыкновенным упорством начинал один и тот же разговор:

— Итак, вам остается сказать одно слово: «да». Согласие милейшего профессора мы уже имеем. Ему нужен только надежный сотрудник, чтобы довести работу до благополучного конца...

Можно было бы подумать, что друзья сговорились: с таким необыкновенным постоянством они отвечали на это предложение недоуменным пожиманием плеч. Ни тот, ни другой не считали нужным даже тратить слова.

Повидимому, Витема и сам понимал, с кем имеет дело. В его голосе не звучало большой надежды на успех, когда он говорил:

— Своим отказом вы ставите профессора в затруднительное положение. Без помощника он не сможет дать то, чего мы ждем. А чем дольше он заставит нас ждать, тем... трудней ему будет. Скажем именно так: трудней. — При этом легкая усмешка кривила губы Витемы, и недобрый огонек пробегал в бесцветных глазах. — Пока он не может особенно жаловаться на режим, но чем дальше, тем строже я должен буду его содержать. Увы, я не имею возможности деликатничать. Только от вас зависит облегчить участь старика...

Витема шурился на кольца дыма, искусно пронзал их тонкою струйкой. За бортом раздавался спокойный плеск воды о борты «Орла», шуршание штуртрота по палубе, посвистывание вахтенного, сплетающего от безделья трос. Все вокруг казалось безмятежным. Глядя со стороны на картину мирного быта мирного парусника, никто не поверил бы, что в одно мгновение может произойти перемена, какой уже не раз бывали свидетелями Житков и Найденов: сблизившись со встречным купцом, «Черный орел» поднимает сигнал: «остановиться, спустить команду». Если «Орел» не испытывал нужды в пресной воде, в продовольствии, в угле или чем-либо ином, Витема даже не давал себе труда спустить катер, чтобы осмотреть жертву. — судно отправлялось на дно вместе со всеми, кто не успевал его покинуть.

Впрочем, участь тех, кто успевал сесть в шлюпки, немногим отличалась от судьбы их менее расторопных товарищей. Разница сводилась к нескольким лишним минутам жизни. После того как с судном бывало покончено, Витема переносил огонь на спасательные шлюпки и спокойно, одну за другой пускал их ко дну...

В один из вечеров Житкова привели в каюту капитана. Караульный вышел и затворил дверь. Житков остался один. Он не без интереса огляделся. Каюта поражала комфортом. Но главное, что бросилось в глаза Житкову и что, казалось, доминировало над всей остальной обстановкой салона, были книги. Несколько больших книжных полок занимали почти все свободное пространство переборок. Житков пробежал глазами корешки. Здесь было немало работ по истории мореплавания и географии, но меньше всего можно было назвать всю библиотеку морской: основную массу книг составляла художественная литература. Немалое место в ней занимали поэты. Была представлена едва ли не вся литература Европы. Многие были в подлинниках: на норвежском, голландском, испанском и русском языках, не говоря уже об английском, которому была отведена добрая половина полок.

Житков перевел взгляд на письменный стол. Привинченные к доске часы и несколько карандашей в подставке — вот все, что украшало сверкающую поверхность стола. С края, напротив удобного кресла-качалки, лежал развернутый корешком вверх, переплетенный в кожу, изящный томик. Все говорило о том, что это — любимая книга хозяина. Житков не удержался и взял томик:

..... с усмешкою шкипер сказал:

— Ребята, прочь сбиты снасти и к черту пошел штурвал.

Впрягайтесь в рулевые цепи! Через Бильбао-бар

Мы провели против вихря в упряжи наш «Боливар».

..... не веря ни в сон, ни в чох,

Мы причастились шторма, который послал нам бог...

Житков на мгновение забыл обо всем, кроме этих стихов, и прежде всего о том, что находится в каюте своего врага. Он вздрогнул от неожиданности, услышав звонкий голос Витемы:

— Вы тоже любите стихи?

Житков бросил книгу.

— Мало у кого из поэтов я встречал подобную жадность к жизни, — невольно вырвалось у него.

Витема на минуту задумался.

— Да, это правильно: жадность к жизни. Не только к своей, даже к чужой. Он хотел бы забрать себе две, три, десять жизней. Он хочет жить везде. Чорт бы его взял! Для него Судан или Сомали — это нечто вроде окраины Сити. Взять чужие жизни на всех морях и континентах, сделать их продолжением своей собственной. — Витема минуту помолчал. — К сожалению, у нас, немцев, нет почти равного этому...

Житков презрительно молчал.

Витема закурил. Его глаза сузились и стали еще холодней. Мгновение он глядел на Житкова.

— Понимаю: считаете ниже своего достоинства говорить со мной. Что ж, каждый имеет право на то, что кажется ему правильным. Даже если объективно — это не что иное, как глупость или преступление. Впрочем, преступление лишь до тех пор остается преступлением, пока его носитель не становится хозяином положения и судьей себе и другим. Тогда преступление становится правом и даже общественным благодеянием. — Здесь он сделал движение, как бы отстраняя возражения. Он подошел к поставцу на переборке, достал бутылку и рюмки. — Ваш любимый вермут. — Видя, что Житков не собирается брать пододвинутую ему рюмку, Витема поднял свою и с видимым удовольствием выпил.

— Нам, немцам, нехватает колониальной культуры. Май не может в десять лет сделать то, что Конрады и Киплинги воспитывали столетиями. Дайте срок... — Он обвел рукою книги. — Есть у кого учиться!

На этот раз Витема изменил себе: у него не было обычного вида холодного безразличия, когда, казалось, его не интересуют и неспособно взволновать ничто в мире. В этот вечер он несколько более нервно, чем обычно, откусил очередную сигару и, прежде чем закурить ее, долго растирал в своих тонких пальцах откушенный кончик. Глаза его при этом не раз исподтишка обращались на лицо собеседника. Взгляд был испытующим, внимательным, словно прицеливающимся.

— Итак, — начал он своим обычным вопросом, — вы попрежнему отказываетесь помочь профессору? — И, не ожидая ответа, продолжал: — Вы уже не раз имели воз-

возможность убедиться в моем расположении к вам, не правды ли?.. Это мешает мне применить меры, которые я давно должен был бы пустить в ход в отношении такого непокорного пленника, как вы. Но я нашел другое средство воздействовать на ваше упрямство: все то, что я должен был бы сделать с вами, я буду делать с вашим старым другом Бурого. — От Витемы не могло укрыться встревоженное движение Житкова. — Чтобы вы не думали, будто это шутка, я сегодня же покажу вам старика.. Уже несколько суток он не получает воды.

Житков вскочил, гневное восклицание сорвалось с его уст:

— Вы...

Витема остановил его движением руки.

— Мне дорога ваша нервная энергия. — Он тихо засмеялся. — Помните, как вы берегли ее когда-то у меня в каюте?

— Вы напрасно мучаете старика! — крикнул Житков. — Он не пойдет ни на что, не достойное русского офицера!

— Никогда ни за кого не ручайтесь. Даже за самого себя, — сказал Витема. — Если нужно будет, я уйду с торного пути кораблей, чтобы ничто не отвлекало меня от главной задачи: добиться вашего согласия на сотрудничество с нами.

— Никогда!

Витема спокойно поднялся и сделал приглашающий жест:

— Если угодно взглянуть на старика...

Стиснув кулаки, Житков отвернулся к иллюминатору. Он испытывал желание броситься на Витему.

Витема пожал плечами.

— Рано или поздно вы к нему пойдете. Не откажетесь же вы его повидать, когда он будет умирать?

— Он болен? — вырвалось у Житкова.

— Отсутствие воды не делает его здоровее. Что делать, придется старику потерпеть, пока вы не перестанете упрямиться. — И тут же с издевательской заботливостью он спросил: — Не испытываете ли вы в чем-либо недостатка, не жалуетесь ли на питание, уход?..

Житков круто повернулся и сделал шаг к Витеме. По видимому, в его взгляде было что-то, что согнало улыбку с лица капитана. Он отворил дверь и приказал часовому проводить Житкова в его каюту.

68. ПРОФЕССОР БУРАГО И ЕГО ТАЙНА ПОГРУЖАЮТСЯ НА ДНО ОКЕАНА

После этого Витема долго не приходил к Житкову. Иногда по вечерам часовой отводил Житкова в капитанский салон, и он оставался там один-на-один с книгами. Но у него хватало выдержки больше не притрагиваться к ним.

Через час-полтора появлялся Витема. Он ставил на стол бутылку неизменного вермута и тоном врача, дающего отчет родственнику о состоянии здоровья близкого человека, сообщал:

— Сегодня старику хуже. Слишком нервничает. Кажется то, что я склонен был принимать за симуляцию помешательства, является подлинным расстройством рассудка. Будет крайне грустно, если из-за вашего упрямства мы доведем профессора до неизлечимой стадии душевной болезни...

Засунув руки в карманы, Житков сжимал их так, что ногти впивались в ладони. В словах Витемы он старался отличить правду от лжи.

— На «Орле» нет врача, — бесстрастным голосом продолжал Витема. — Если мы перегнем палку, это может оказаться непоправимым. — Он развел руками. — Его годы берут свое. Другой бы выдержал без воды вдвое дольше, а он плох, очень плох.

Житков не мог больше выдержать.

— Чего вы от меня хотите?

Витема поднял рюмку.

— Пейте же, Пол! Можно подумать, что вы записались в общество трезвости... Да, так все, чего я от вас хочу: согласия работать с Бураго над проблемой невидимости. Думаю, что если бы вы ясно высказали ему свое желание, он пришел бы в себя. Независимо от того, является ли забвение им всего прошлого действительным провалом в памяти или искусной симуляцией, ваше появление должно привести его в себя.

Видя, что Житков молчит, Витема раздраженно постучал пальцами по столу.

— К сожалению, Найденов ведет себя так же неразумно, как вы. Боюсь, что, имея таких друзей, как вы и Найденов, старик недолго протянет.

У Житкова мелькнула мысль, что свидание с ним и

особенно с более близким к Бураго Найденовым может поддержать старика.

— Дайте нам возможность свидеться всем трим вместе.

— Если вы обещаете воздействовать на профессора...

— Я ничего не обещаю.

— Предупреждаю только: вы не должны разговаривать с Найденовым. Малейшая попытка в этом направлении дорого обойдется... старику.

Житков старался сохранить спокойствие, хотя, давая согласие на свидание, он надеялся, что ему удастся переброситься несколькими словами с Найденовым. Но делать было нечего.

— Хорошо! — сказал он.

— Если такое же обещание даст мне Найденов, свидание состоится сегодня же, — сказал Витема. — Я покидаю вас, чтобы повидаться с господином Найденовым.

Оставшись один, Житков погрузился в раздумье.

Звук поворачиваемого в замке ключа вернул его к действительности. Перед ним снова стоял Витема и жестом приглашал следовать за собой.

Когда они вошли в каютку Бураго, Найденов был уже там. Житкова поразило лицо друга. Меньше всего ожидал Житков увидеть испуг Найденова. А именно испуг был написан на его лице, отражался во взгляде, устремленном на распростертого на койке Бураго. Впрочем, как только Житков взглянул на старика, он и сам едва не вскрикнул. Представившееся ему зрелище было почти неправдоподобно. Вместо могучего Черномора на койке был беспомощно распростерт огромный скелет. Его размеры казались сверхъестественно большими. Только голова оставалась живою — огромной, гордой головой мыслителя, увенчанной непокорной гривой седых кудрей. Сквозь свалывшийся войлок растрепанной бороды была видна мертвенно желтая кожа, обтягивавшая резко проступившие скулы и лобные кости. И от того, что лицо это выглядело лицом трупа, с тем большей яркостью горели чудесные глаза старика. В них не было страдания — только испепеляющий гнев и огромная воля, еще горевшая в беспомощном теле.

Взор Бураго был устремлен на Найденова так, словно он хотел пригвоздить его этим взглядом к переборке. Когда

*Вместо могучего Черномота на койке был беспомощно
распростерт огромный скелет.*

вошел Житков, старик перевел глаза на него, и нечто вроде слабой улыбки тронуло его черты.

— Ты русский? Я рад... — тихо проговорил он. — Ты молод, и это спасет тебя... — Взглядом он указал на Найденова. — Вот живучая немецкая крыса. Его не взял даже газ, которым я отравил сотню таких, как он...

Житков удивленно взглянул на Найденова. Ему хотелось спросить друга, что случилось здесь до его прихода, но он вспомнил, чем этот вопрос грозит старику.

— Вы не узнаете Сашу? — мягко спросил он Бураго. — Припомните: это Найденов, Саша Найденов — муж вашей дочери Вали.

— О какой Вале ты толкуешь? У меня никогда не было дочери... Шесть сыновей — вот мое потомство! Я не понимаю, чего от меня хотят? Спроси их, что им нужно? И пусть уведут отсюда этого. — Он взглядом указал на Найденова.

Бледный от охватившего его волнения, Найденов сказал Витеме:

— Мое присутствие раздражает больного. Я думаю, мне лучше уйти.

Витема кивнул. Найденов ушел. Витема, как видно, находился в необычной для него нерешительности. Наконец он спросил Бураго:

— Хотите ли вы откровенно поговорить с ним? — и указал на Житкова.

Старик испытующе уставился в лицо Житкову и в раздумье произнес:

— Может быть, ты и не наш, но ты, по крайней мере, русский, единственный русский среди этой дряни. Перед смертью я хотел бы поговорить с тобой.

Витема вышел, плотно притворив за собою дверь. В каюте долго царило молчание. Потом старик пальцем поманил к себе Житкова и, когда тот склонился к нему, тихо сказал:

— Не подглядывают ли? Осмотри всё: дверь, переборки, подволок. Они — сволочи.

Житков проворно, стараясь двигаться как можно бесшумней, осмотрел каюту.

— По-моему, все в порядке, — тихо сказал он старику. Тогда тот костлявым пальцем показал под себя.

— Возьми и спрячь. Я записал это на «Одде», когда

думал, что отравил их всех. Мне помешал этот, что был только что тут. Из-за него я не дописал. Он прострелил мне руку...

Житков поспешно сунул руку под тело старика и нащупал спрятанные в матраце листки. Не глядя, выхватил их и спрятал за пазухой.

Старик со вздохом облегчения закрыл глаза и несколько минут устало молчал. Потом тихо сказал:

— Они чертовски измучили меня... С тех пор как я попал к ним в лапы, они не давали мне ни дня покоя. Меня убили жаждой. О, это хуже голода! Голод я знаю. Он не так страшен...

Житков терялся. Он не знал, чем ободрить старика. Нерешительно сказал:

— Может быть, сделать вид, будто мы согласны работать над невидимостью? Это даст вам возможность поправиться, прежде чем они поймут, что мы водим их за нос.

Старик беззвучно рассмеялся.

— Да, да, невидимость! Это ты во-время вспомнил. Они все время твердят о невидимости. Вероятно, я скоро действительно стану невидим.

Житков с ужасом понял, что Витема был прав: разум покинул старика.

Бураго снова поманил его к себе.

— Мне уже все равно, а ты води их за нос, сколько можешь. Иначе они сделают с тобой то же, что сделали со мной. Шприц кислоты в мочевого канал, и от боли перестанешь соображать что бы то ни было... Никаких следов на теле. Это могли придумать только немцы... Бойся немцев, дружок. Они наши вечные, непримиримые враги... Обещай напоследок: ты найдешь моего сына и передашь ему эти листки. Обещаешь?

Чтобы успокоить старика, Житков готов был обещать что угодно. Он взял руку старика в свои и ласково гладил ее.

Бураго опустил веки. Из-под них скатилась слеза — одна единственная слеза из уголка глаза. Старик осторожно высвободил руку из пальцев Житкова и усталым движением отпустил его.

Когда Житков вышел в коридор. Найденова там уже не было. Вместо него стоял караульный матрос, проводивший Житкова в каюту.

Вернувшись к себе и тщательно притворив дверь, Житков с нетерпением достал листки, полученные от Бураго. Но, к своему ужасу, сразу же увидел: в них нельзя прочесть ни строки. Бумага настолько пропиталась кровью, что листки слиплись в один плотный комок. Житков просидел над ним до ночи, пытаясь восстановить записи. Но при попытке разлепить листки они ломались, рассыпались. В совершенном отчаянии Житков отказался от своих попыток. Необходимо было вмешательство химиков. А до тех пор должно было остаться тайной все, что хотел сказать Бураго.

Ни в этот, ни в следующий вечер Витема не появлялся. На третий день он пришел, как всегда, спокойный, с лицом, скованным пренебрежительным равнодушием ко всему окружающему. На вопрос Житкова о здоровье Бураго Витема не ответил, будто не расслышал вопроса. Витема заговорил о случайных, совершенно посторонних вещах. Неожиданно коснулся трудностей жизни, которую ему приходится вести.

— Можно подумать, что кто-то вынуждает вас к этой жизни, кроме вашей собственной совести, если только она есть у вас, — резко сказал Житков, которому невыносимо тягостно было всякое общение с Витемой.

— Мы с вами когда-то уже спорили по этому поводу, — спокойно заметил Витема. — Совесть — божок, созданный нами для других... Я не хуже и не лучше многих других. Мир кишит такими, как я. Ведь, говоря серьезно, вы не воображаете, будто свет наводнен только немецкими разведчиками?

Житков пожал плечами. Витема помолчал задумавшись.

— Я расскажу вам один случай. Говорю с вами откровенно потому, что знаю: вы никогда никому не сможете это рассказать, если останетесь нашим врагом, а став другом, и сами не захотите мне вредить. Впрочем... — Он с удовольствием выпустил несколько колец дыма и, прищурившись, полюбовался их плавным полетом в воздухе. — Случай этот не может мне повредить. Как-то раз мне нужно было добыть русский документ. Я довольно долго за ним гонялся. Охота не была лишена интереса: двое или трое моих коллег сломали себе на этом шею. Это щекочет нервы. А кроме того, я знал: за этими же бумагами схотится еще одна разведка. Не будем называть — чья. Получилось двойное кольцо. Но это меня не пугало. Предприя-

тие было подготовлено с ювелирной точностью. Документы должны были стать моими. Моим противникам предстояло остаться с носом. Впрочем, признаюсь: я имел в виду подсунуть им фальсификат. Это всегда выгодно. Не только потому, что дезориентирует соперника, но главным образом тем, что дает хорошие деньги. И вот, можете себе представить, когда все казалось почти законченным, когда я уже держал бумаги в руках, произошло то, что я меньше всего люблю: пошла драка. Не терплю пускать в ход кулаки. А пуля мало чем отличается от кулака. Это средства одного порядка. Пришлось драться, да, самым вульгарным образом драться с кем-то, кого я не мог видеть в темноте. Могу только сказать, что это был человек невероятной силы. Поймав меня в свои объятия, он буквально скомкал меня, как мочальную куклу. К счастью, со мною был мой стилет. Я люблю это оружие: короткое четырехгранное лезвие обеспечивало надежный удар в тех крайних обстоятельствах, в каких я именно тогда и оказался. Удар этим стилетом, нанесенный в спину медведя с лапами гориллы, избавил меня от его объятий. Я до сих пор уверен, что удар был смертелен. Нельзя жить с такою дырой в спине. Но напоследок этот тип успел нанести мне удар ногой в пах. На несколько минут я потерял сознание. Всего на несколько минут. Но их оказалось достаточно: исчезла моя добыча, исчез и труп этой гориллы. Я и до сих пор не знаю, чья это была работа: русской ли контрразведки, или моих милых соперников из разведки третьей страны. Все это происшествие тем более удивительно, что о предстоящем мне деле не знал решительно ни один человек...

Витема опять помолчал, пуская дым в подолок.

— Признаюсь, очень дорого дал бы за то, чтобы узнать, кому я обязан удовольствием остаться в дураках, — медленно сказал он. — Вы не представляете себе удовольствия, какое я испытал бы теперь, доведись мне увидеть спину этой чортовой гориллы с зияющей в ней крестообразной дырой...

И Витема прищурился, словно увидел в клубах сигарного дыма спину своего таинственного врага.

— Однако, — сказал он вдруг, быстро сунув сигару в пепельницу и пристально поглядев на Житкова, — за этой болтовней я совершенно забыл, ради чего пришел: ведь сегодня мы хороним Бураго.

От неожиданности Житков вскочил. Его глаза с гневным вопросом остановились на лице Витемы.

— Мне самому жаль, — ответил Витема на его взгляд, — но, увы, это так. Можете посмотреть, как его зашивают в парусину.

Житков больше не помнил себя. Могучим ударом отбросил он Витему от двери и помчался по коридору, преследуемый караульным матросом. Сбив с ног часового у трапа, он вылетел на палубу и сразу же увидел, что Витема не лгал: сидя с поджатыми ногами на кормовом люке, парусник зашивал тело в парусину. Двумя прыжками Житков был около него и, оттолкнув немца, рванул незашитую до конца парусину. Из нее, как из-под капюшона, показалась голова Бураго. Широко открытые, остекляневшие глаза смотрели куда-то мимо плеча Житкова, в хмурое северное небо...

Житков наклонился и осторожно прикоснулся губами к холодному лбу трупа. Потом молча взял иголку из рук удивленного парусника и стал сам зашивать парусину. Он не заметил, как к нему подошел Найденов в сопровождении Витемы. Летчик осторожно отодвинул край парусины и долго глядел в мертвое лицо старика. Потом так же молча, как Житков, взял вторую иглу и принялся за шитье.

Не позволяя немцам притронуться к телу, Житков и Найденов положили его на доску и прикрепили к его ногам мешок с углем.

Все время, что они работали, Витема стоял у борта и с сигарой в зубах следил за бегом волн. Тот, кто не знал капитана, мог бы подумать, что именно для этого он и вышел на палубу. Но и Житков и Найденов отлично видели: он следит за каждым их движением. Не желая дать Витеме повод помешать им отдать последний долг старому другу, они не обменялись ни словом, хотя это и стоило обоим большого напряжения воли.

Когда работа была закончена, Житков сказал:

— Нам нужен флаг.

Продолжая все так же сосредоточенно наблюдать за пеплом на конце своей сигары и делая вид, будто его больше всего заботит сохранение этого серого столбика, Витема, не оборачиваясь, приказал:

— Боцман, принеси из хлама какой-нибудь старый флаг, который уже не может понадобиться.

Найденков видел, как при этих словах краска гнева залила лицо его друга. Только под строгим взглядом летчика Житков заставил себя сдержаться.

Мейнеш вернулся со свертком подмышкой.

— Этот нам наверняка уже никогда не понадобится, сударь, — доложил он. Витема не дал себе труда даже обернуться.

— Тогда пусть это и будет моим последним подарком упрямому старику.

Мейнеш рывком развернул ткань. Оба друга едва не вскрикнули от удивления: перед ними белело полотнище андреевского флага.

Они переглянулись. Житков колебался. Найденков решился нарушить запрет Витемы. Он тихо сказал:

— Покойный был русский моряк, сын, внук и правнук русских моряков. Ему не будет стыдно уйти в последнее плавание с флагом, под сенью которого служили предки.— Он взял из рук Мейнеша белое полотнище с синим крестом святого Андрея. Друзья растянули флаг, накрыли им тело Бурого, подняли доску с телом, поставили краем на фальшборт и приподняли другой конец. Тело скользнуло за борт и с плеском погрузилось в темную зелень воды. Профессор Бурого исчез навсегда, унося свою тайну...

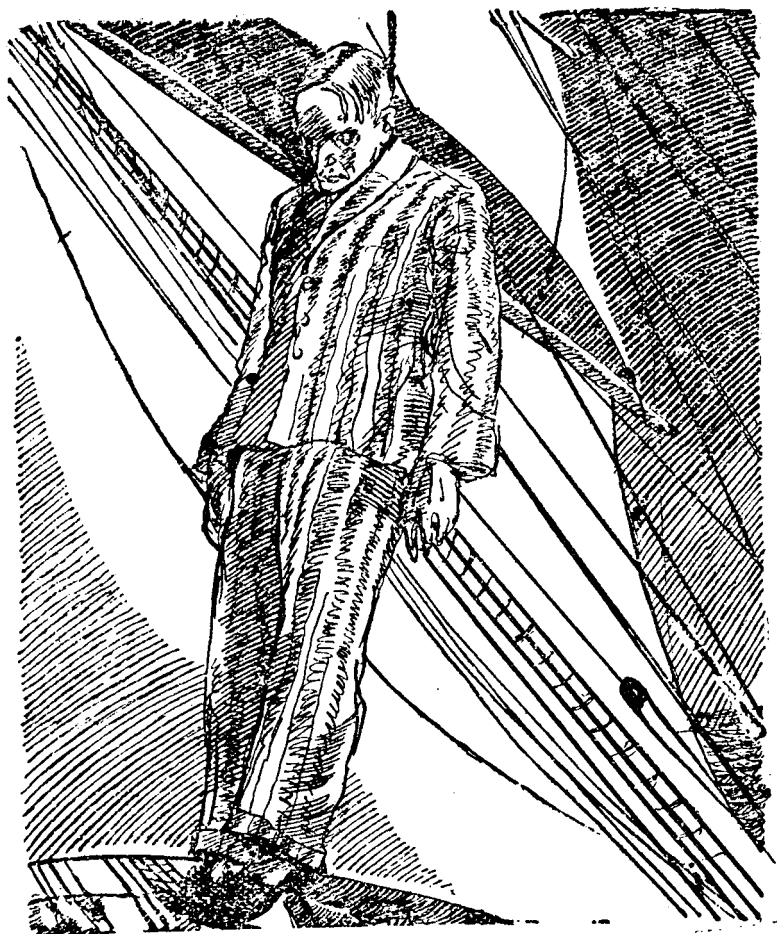
Этой ночью Житкову не спалось. Он встал с койки, подошел к иллюминатору и жадно втянул свежий ночной воздух. Непреодолимо захотелось на палубу. Он присткрыл дверь и попросил часового проводить его наверх.

На палубе царил такая же тишина, как внизу. Был почти полный штиль. Влажная мгла висела над кораблем тяжелым покровом. От этой плотной мглы даже светлая полярная ночь казалась непроглядной. По легкому похлопыванию ослабевших парусов Житков понял, что судно едва движется. Над головою мерно хлопал обвисшей парусиной невидимый грот. Сложное плетение снастей, начинаясь у борта, сразу исчезало в темноте наверху. За этими вздохами безжизненно обвисших парусов где-то рядом слышалось странное сопенье и звук льющейся воды. Часовой, неотступно следовавший за Житковым, приостановился раскурить потухшую трубку. В трепетном мерцании спички Житкову, глядевшему в ту сторону, откуда доносилось фырканье и плеск, представилось необычайное зрелище: матрос лил воду на какое-то странное, поросшее густой шерстью существо с могучим телом орангутанга. Как ни

быстро догорела спичка в руке матроса, но Житков успел разглядеть намокшие космы шерсти на спине атлета и чуть не вскрикнул от удивления: он совершенно ясно увидел под левой лопаткой место, лишенное растительности, как это бывает на выболевшей коже. На этом голом куске тела, величиною в медный пятак, красовался рубец, скорее, просто зияющая дыра в форме креста — след страшного удара, нанесенного колющим оружием с крестообразным клинком...

Спичка погасла. Житков стоял, как замороженный, слушая довольное урчанье удивительного существа и смех матроса, льющего воду...

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
ПОСЛЕДНИЙ КОРСАР

64. ГИБЕЛЬ «КОНСУЛА СЕРЕНСЕН»

Тем же штормом, что беспощадно трепал «Одду», маленький «Консул Серенсен» был снесен далеко на восток с курса, который держал к берегам Исландии, намереваясь оттуда переправиться в Англию.

Нордаль и Фальк сидели в тесном салончике «Консула Серенсен». Фальк то и дело нервно вскакивал со шкиперской койки, служившей одновременно и диваном, и пытался пройтись по каютке. Но всякий раз, сделав каких-нибудь два шага, он натыкался на чугунный камелек. Около камелька нестерпимо жарко, но стоило отойти от него, как холодный ветер, врывающийся в распахнутый над головою кап, пронизывал до костей. Закрыть кап было невозможно: удушливый чад камелька выедал глаза.

— И все же я не уверен в том, что нам нужно идти в Англию, — покачивая головой, сказал Нордаль. — Исландия — самое подходящее место. Соберем силы и вернемся на родину для борьбы с гуннами.

Фальк пожал плечами.

— Вы хорошо знаете, Йенсен, я подчиняюсь вашему решению. Теперь я только ваш солдат. Но на вашем месте я пошел бы в Англию. Там мы получим помощь. И сердце подсказывает мне: именно там мы найдем нашего пастора. А, говоря откровенно, мне бы очень хотелось снова увидеть его.

— Да, этот человек способен организовать силы для новой борьбы, — согласился Нордаль. — Но я сомневаюсь, чтобы ему удалось выбраться с острова.

— От белой смерти он был гарантирован моей прививкой.

— Гунны хуже белой смерти, мой милый Фальк...

Нордаль не договорил. Сверху послышался громкий крик:

— Человек за бортом!

Нордаль бросился на палубу. Громыхая протезом, взобрался по крутому трапу и Фальк.

Весь экипаж и все невольные пассажиры «Консула Серенсен» прильнули к поручням, пытаясь отыскать в волнах человека, которого заметил часовой из вороньего гнезда. Наконец Нордаль различил бревно, то появлявшееся на гребнях волн, то снова исчезающее между ними.

К бревну был привязан человек. Он лежал без движения и, судя по всему, был мертв.

Тотчас маленькая шлюпка «Консула» была на воде, и гребцы налегли на весла. Через несколько минут спасенный лежал на палубе «Консула». Он был жив, дыхание едва заметно поднимало его обнаженную грудь. Но не прояви он и никаких признаков жизни, все присутствующие без исключения бросились бы откачивать его и растирать, потому что перед ними лежал не кто иной, как хорошо всем известный старый рыбак Глан, по прозвищу Адмирал.

Немало времени прошло, пока он очнулся и рассказал о том, как ему удалось бежать с «Марты». Глан не знал цели плавания «Марты» и мог только с уверенностью сказать, что она крейсирует в тех же примерно водах, где находится сейчас и «Консул Серенсен». Глан не знал также, не изменил ли Витема еще несколько раз наименование своего судна, но в тот день, когда рыбак бежал с него, оно называлось «Черный орел».

Как и все присутствующие, Нордаль и Фальк жадно слушали рассказ старика. То, что они услышали в заключение, заставило старого ученого сильно топнуть искусственной ногой и испустить проклятие, какого никто от него еще не слыхивал.

— На паруснике немца есть пленные. — Глан оглядел слушателей, и, несмотря на усталость, в его глазах блеснул радостный огонек. — Я узнал пастора Сольнес!

Фальк схватил и потряс руку Йенсена:

— Вы слышите, Нордаль? Он жив! Наш пастор жив! Ура!

— Может быть, ему было бы лучше умереть, чем снова оказаться в лапах проклятого гунна.

— Не говорите глупостей, Нордаль. Он жив — это главное. Остальное зависит больше от нас, чем от него самого.

— Не понимаю вас.

— Найдем «Марту» и отобьем пастора. Мы должны спасти его.

Нордаль не мог удержаться от смеха. За ним рассмеялись и моряки.

— Вы слишком просто представляете себе дело: найти в море судно. Силой отбить пастора? Вы не понимаете того, что говорите, Фальк!

— Вы боитесь немцев, Нордаль? — гневно воскликнул Фальк.

— Еще никто не обвинял меня в тружости, — спокойно возразил Йенсен. — Но я не потерял здравого смысла. Вы предлагаете невозможное.

Фальк не сдавался:

— Спросим моряков, считают ли они возможным найти «Марту»?

Окружающие молча переглянулись.

Глан-Адмирал сказал:

— Эй, друзья, послушайте старика. Такую акулу, как этот немец, голыми руками не возьмешь. Не верю я тому, что нам удастся справиться с ним в открытом бою. На стороне гуннов очевидное преимущество: их судно — и наше. Их команда — и наша. Трое немцев на одного нашего. Но, видит бог, ежели уж вы решили идти в драку, так старый Адмирал первым полезет на борт немецкой лоханки...

— Эх, Ивар, старина, — перебил его Лунд. — Сразу видно, что тебе не довелось иметь дело с гуннами. А я с ними сцепился разок-другой в семнадцатом. Ежели их двое против одного нашего, гунн страшен, не спорю. Или ежели, скажем, у него скорострельная пушка, а у тебя голый кулак, тогда в немце форсу, что в акуле. А сойдись с ним грудь с грудью, один-на-один — ого! он завоюет, как резаная свинья: «Пощады, пощады!» Только слюни тогда за ним подбериай. Вот я и думаю: главное дело — сойтись с ним борт к борту, чтобы не страшны были его пушки. А там с помощью бога и святого Олафа...

Глан-Адмирал, внимательно слушавший шкипера, перебил:

— А найти его можно... Подадим сигнал бедствия: «потеряли управление» или что-нибудь в этом роде. Жадность толкнет его на приманку. Он сам найдет нас...

Обсудив предложение Адмирала, решили, что это единственно реальная возможность отыскать в море «Марту». Радиист уселся за передатчик.

Несколько раз на призывы о помощи откликались английские, американские и русские корабли. Тогда передатчик замолкал или сообщал, что повреждение исправлено и судно больше не нуждается в помощи. Наконец после суток напрасных поисков, когда Нордаль уже потерял надежду связаться с Витемой, радиорубка приняла сигнал: «Иду на помощь. Американский барк «Черный орел».

Теперь оставалось ждать. Выработанный патриотами план заключался в том, чтобы не дать «Черному орлу» при свете дня приблизиться к «Консулу Серенсен» на дистанцию выстрела, а ночью самим пойти на сближение и, сойдясь борт к борту, неожиданно ворваться на палубу и овладеть судном.

Фальк, веселый и возбужденный, разгуливал по судну. Скрип его протеза раздавался то на баке, где пристраивали за фальшбортом пулеметы, то доносился с юта, смешиваясь с пронзительным стоном железных листов, из которых судовой механик и Нордаль спешили построить нечто вроде башни для единственной «артиллерии» «Консула» — крупнокалиберного пулемета и старого миномета Стокса.

Не только боевая дружина Йенсена, но и весь маленький экипаж бота вооружился для предстоящего боя. Надежда возлагалась не столько на винтовки, сколько на широкие рыбацкие ножи. Вся рыболовная снасть пошла в ход в качестве абордажных средств.

Крепкий норд-ост гнал «Консула Серенсен» навстречу «Черному орлу» ходом не меньше десяти-двенадцати узлов. Прежде чем бледное солнце коснулось горизонта, часовой в вороньем гнезде оповестил, что видит судно в направлении запад-юго-запада. Шкипер Лунд сам полез на марс и долго разглядывал замеченное часовым судно.

— Убей меня бог, ежели это не чортова «Марта»! — крикнул он наконец вниз, где с нетерпением ждали его заключения.

Все удовлетворенно переглянулись, и руки легли на пистолеты и ножи. Но для выполнения выработанного плана нужно было избежать встречи с немцами до наступления темноты.

«Консул Серенсен» лег на правый галс, уходя с курса «Черного орла». На «Орле» не сразу заметили этот маневр. Когда на горизонте остались только мачты немца, радиорубка «Консула» приняла приказ «остановиться». Лунд сбросил кливер и приспустил фок и трот. Ход «Консула» уменьшился до четырех узлов, и через час стал снова виден силуэт «Орла». Но сумерки уже настолько сгустились, что немцы и сами, видимо, поняли: преследование бота бессмысленно, открывать же по нему огонь — значило попусту тратить снаряды. А Лунд, продолжая искусно маневрировать, держал свое судно на расстоянии, позволявшем норвежцам видеть более высокий и крупный силуэт врага, оставаясь для него невидимым. По мере того, как сгущалась тьма, Лунд сокращал дистанцию. Но тут начался снегопад. Непроницаемая пелена грозила скрыть «Орла». Лунду пришлось пустить мотор, чтобы поскорее приблизиться к немцу. Но обогнуть тьму не удалось: «Орел» исчез из поля зрения, когда до него оставалось две-три мили. Густо падающий снег не казался больше белым. Он опускался непроницаемым черным пологом, волнующимся под ударами начавшегося шквалистого норд-оста. Появись теперь огни «Черного орла» не только в нескольких милях, но даже в кабельтове от «Консула», они остались бы невидимыми. Проклятия всех и вся, Лунд приказал убавить парусность. Скоро ушли с носа и Фальк, и Йенсен, и дольше других буравивший тьму своими дальноркими старческими глазами Глан-Адмирал. Ничего не оставалось, как примириться с мыслью: встреча с немцем не состоялась. Значит, не суждено было и осуществить попытку спасти из лап Витемы пастора...

Глан с сожалением еще раз взгляделся в тьму и, сердито сплунув за борт навстречу несущемуся мокрому снегу, взялся за ручку двери.

Никто не понял, что произошло в тот момент, когда Глан распахнул дверь рубки. Страшный удар потряс корпус «Консула» от киля до клотиков. Сотрясение было так сильно, что фок сломался, как хворостина. Треск ломающегося дерева, звон железа, испуганные крики лю-

дей — все смешалось в единый хаос звуков, покрытый пронзительным воем ревуна, раздавшимся откуда-то сверху.

Люди, еще минуту назад сетовавшие на то, что судьба лишила их возможности сойтись с «Черным орлом», и не подозревали в первые минуты, что этот зловещий вой раздавался с палубы «Мартой» — «Черного орла». Завывание сирены показалось им голосом преисподней, открывшейся в сумраке ночи, чтобы поглотить расколотого надвое «Консула Серенсен».

65. БЛАГОРОДНЫЙ ВИНОЧЕРПИЙ

Для экипажа «Черного орла» столкновение с «Консулом» было столь же неожиданно, как и для норвежцев. Не будь сами патриоты застигнуты событием врасплох, они без особого труда овладели бы палубой, а может быть, и всею «Мартой». Немцы выскакивали на палубу полуодетые, без оружия, помышляя лишь о том, чтобы добраться до спасательных шлюпок. Некоторые из них в панике бросились за борт, ища спасения вплавь.

Едва ли не единственными людьми на «Орле», не потерявшими рассудка, были оба русских пленных, Витема и боцман Мейнеш. Впрочем, что касается Витемы, то он появился на мостике в пальто, накинутом прямо поверх теплой пижамы, — костюм, для него совершенно необычный, который он поспешил сменить, как только убедился в том, что никакого несчастья с «Орлом» не произошло. Никто на «Орле», кроме Мейнеша, так и не заметил этого маленького признака растерянности капитана.

Вдребезги разбившись о стальную нос «Черного орла», маленький «Консул» не нанес ему сколько-нибудь приметных повреждений.

Не меньше часа на «Орле» продолжалась суета. Спускали шлюпки, искали своих людей, поневоле вытаскивали из воды тонущих норвежцев.

Хотя все планы нападения на «Орла» были нарушены, норвежцы держались мужественно, помогали друг другу и все вместе искали своего предводителя. Нордаль Йенсен поддерживал на воде беднягу Фалька, пытавшегося отцепить тянущий его ко дну протез.

Ни Житков, ни Найденов не имели представления о том, что за корабль столкнулся с «Мартой», пока из-за

борта «Орла» не показалась худая физиономия бактериолога. Следом за ним на палубу, отряхиваясь, как медведь, вылез и могучий Йенсен. Он сейчас же увидел незаметный знак Найденова, попрежнему принимаемого ими за пастора. Приложенный к губам палец, означал: «Молчание! Мы незнакомы...» Найденов справедливо рассчитывал, что Витема не знает никого из норвежцев, кроме Фалька. Опасность могла грозить только со стороны Мейнеша, стоявшего около своего хозяина и мрачно созерцавшего появление гостей. Вот его седые, сросшиеся над носом брови сердито изогнулись. Житков проследил за его взглядом и увидел, как из-за борта подняли старого Глана-Адмирала. У старика была рассечена голова, кровь заливала ему лицо. Глан казался лишившимся чувств. Но едва его опустили на палубу, как веки старика поднялись, он огляделся и уставился за борт, где, медленно вращаясь, погружалась под воду кормовая часть «Консула Серенсен». Глан быстро оглядел окружающих, сердито сказал что-то Мейнешу, на что тот едва заметно кивнул. И тогда Глан одним могучим движением перекинул свое тяжелое тело через релинг. В следующее мгновение Житков увидел его плывущим к останкам «Консула». Движения старика были так сильны, что им мог бы позавидовать любой чемпион.

— Он с ума сошел! — невольно вырвалось у Житкова. — Остатки бота утащат его под воду!..

Не глядя на Житкова, Мейнеш пробормотал себе под нос:

— Там осталась его дочка... его Элли.

Широким легким движением гимнаста Житков вскочил на поручни. Секунда — и вот уже холодная вода сковала ему дыхание.

Он плыл вдогонку за Адмиралом. Вместе взобрались они на кормовую часть «Консула», стоящую в воде, как половинка расколотой яичной скорлупы. Помещавшаяся в корме машина была слишком тяжела, чтобы дерево корпуса могло удержать ее на плаву. Вода быстро заполняла разрезанную пополам крошечную кают-компанию и с журчанием вливалась в салон шкипера. Клубы пара вырвались оттуда, когда волны коснулись раскаленного чугуна камелька. Удар волны вышиб дверь в последнюю, оставшуюся незалитой каюту. Житков увидел в ней Элли. Раненая сидела на койке, подобрав ноги. В ее широко раскрытых глазах не было испуга, только удивление, что юна, никогда

не боявшаяся моря и глядевшая на него, как на нечто близкое и родное, была им застигнута врасплох, оказалась вдруг беспомощной. Но стоило ей сквозь распахнувшуюся под ударом волны дверь увидеть плывущих к ней отца и Житкова, как глаза ее снова засверкали радостью. Она спокойно, как будто сходила в ванну, опустила ноги с койки и скользнула в шипящую воду.

Через несколько минут Житков, держа в объятиях девушку, взбирался по шторм-трапу на палубу «Орла». У старого Глана уже не было сил влезть самому. Мейнеш бросил ему сверху конец. Адмирал обвязал себя подмышками, и матросы подняли его...

Когда Адмирал в числе других появился в ярком свете электрической лампы, Витема бросил на него взгляд, такой же холодный и безразличный, каким он встречал остальных норвежцев. Не оборачиваясь, он спросил Мейнеша:

— Где я видел эту старую образину?

Мейнеш молчал. Можно было подумать, что он не узнает своего старого приятеля.

Витема медленно повернул лицо к боцману, и лишь тогда тот что-то тихо сказал ему.

— Этого — отдельно, — приказал Витема матросам, принимавшим пленных.

Ряды столпившихся под мостиком норвежцев дрогнули. Они разгадали опасность, грозящую старому патриоту. Витема, повидимому, заметил это легкое движение. Он выжидательно поглядел на пленников, потом снова на Глана. Громко спросил Мейнеша, так, чтобы слышали все:

— Это тот самый разбойник, что убежал от нас?

— Да, капитан, — мрачно пробормотал боцман.

— Не кажется ли тебе, что он заслуживает веревки теперь же?

— Да, капитан. Как только он выздоровеет, мы его повесим, — со спокойствием автомата проговорил Мейнеш.

— Разве он болен?

— Он ранен, капитан.

— Вот как? — Витема, собравшийся уходить, остановился. — Это меняет дело. Мы не средневековые разбойники, Мейнеш. Раненый враг имеет право не только на снисхождение, но и на помощь. Я сам займусь лечением старого тетерева.

— Да, капитан, мы повесим его тогда, когда он будет здоров, — проговорил Мейнеш.

Витема повернулся всем телом в сторону боцмана. Его голос прозвучал громко, как удары по металлу.

— Ты глуп, боцман! За тридцать лет ты так и не научился понимать меня. — Он указал на Глана. — Если я берусь лечить его, то не для того, чтобы ты получил удовольствие накинуть ему на шею петлю. — Витема повернулся так, чтобы норвежцы могли слышать каждое его слово. — Как все храбрые и честные люди, мы уважаем мужество противника. Мы, немцы, благородны, мы не бьем лежачего. Мы не приканчиваем раненых. — Он нагнулся в ту сторону, где на палубе, прислонясь к феленгу, сидел раненый Глан-Адмирал. — Будь спокоен, старина. Ты не из тех, кому эта старая обезьяна Мейнеш накинет петлю. Он отвечает мне своей головой за твою.

По рядам норвежцев пронесся одобрителный шопот. После короткой паузы Витема сказал им:

— Из-за вашего неумения управляться с судном я потерял шесть матросов. Шестерых из вас я оставлю у себя. Остальные отправятся за борт. Кто предпочитает палубу «Орла» — шаг вперед.

Строй норвежцев оставался неподвижным. Витема направил на них луч фонаря и внимательно оглядел сосредоточенные лица пленников.

— Эй, вы! — Его голос, как стальной полосой, хлестнул тишину палубы. — Вы всерьез предпочитаете идти на корм рыбам?

Гробовое молчание было достаточно красноречивым ответом.

Луч света погас. В темноте злобно прозвучало приказание Витемы:

— Мейнеш!

— Да, капитан.

— Отбери нужных тебе людей. Даю на это три часа. Через три часа все, кроме шестерых, должны быть за бортом. Ты меня понял?

— Понял, капитан.

— А чтобы эти балбесы не думали, что я шушу, мы им сейчас покажем, как это делается... Дежурный взвод, в ружье! — Пока матросы разбирали винтовки, Витема с обычной тщательностью раскурил сигару. Вооруженный взвод выстроился. Витема приказал: — Оцепить пленных... Мейнеш!

— Да, капитан.

— Вон тот и тот, — Витема ткнул сигарой в сторону, первых попавшихся норвежцев, — шаг вперед!

Норвежцы вышли из круга.

— Боцман, прикажи принести мешки с углем.

— Да, капитан, — ответил Мейнеш и поплелся выполнять приказание.

Когда мешки с углем лежали на палубе, Витема сказал:

— Свяжи им руки, Мейнеш... Так. Теперь привяжи каждого из них одной ногой к мешку.

Норвежцы испуганно отпрянули, но в их спины уперлись штыки немцев.

Матросы накиннули на ноги пленников веревки.

Среди норвежцев раздались крики возмущения. Они пытались прорвать оцепление. В освещенный круг вырвался Житков.

— Прекратите эту жестокую комедию, капитан. Вы не имеете права...

— Я имею право на все. — Витема вынул изо рта сигару. — Но вы ошибаетесь, воображая, будто тут разыгрывается комедия. Это очень серьезное дело: урок непокорным дуракам.

— Я не позволю вам! — крикнул Житков и бросился к немцам, связывавшим норвежцев.

— Мейнеш! — Больше Витема ничего не сказал, но боцман был уже рядом с Житковым и схватил его в свои объятия гориллы.

— А теперь за борт их! — крикнул Витема. — Направьте свет так, чтобы всем было видно.

Норвежцы бросились на помощь товарищам. Их встретила град ударов прикладами. Грянул выстрел, другой, третий. Немцы подняли двух привязанных к мешкам пленников и перебросили их через борт. Вопль ужаса вырвался из нескольких десятков грудей. Один из норвежцев прыгнул за борт на помощь тонущим. Но выстрел из винтовки помешал ему достичь их. И третье тело исчезло в волнах, озаряемых ярким светом прожектора.

Мертвая тишина повисла над палубой «Орла»:

Витема резко повернулся и исчез в рубке. Мейнеш приступил к распределению по кубрикам беснующихся норвежцев. Их гнали штыками, ударами прикладов.

Старый Глан все время неподвижно сидел у релинга, исподлобья наблюдая за боцманом. Адмирал был послед-

ним, к кому подошел Мейнеш. Боцман сел около него на корточки и достал трубку.

— Можете погасить свет, — крикнул он матросам, — и быть свободными!

Яркий свет, заливавший шканцы, погас. Через несколько минут на палубе воцарилась тишина. Над головою двух стариков, молча сидевших рядом в темноте, поскрипывал такелаж.

— Ну вот, Ивар... — проговорил боцман. — Вот мы и встретились. Не скажешь ли ты теперь, что я глупее тебя? Видишь: с нашим стариком можно иметь дело... Молчишь? Ну, молчи, молчи. Я не обижаюсь. Я всегда говорил, что на детей и безумцев обижаться глупо.

— Поди-ка ты к дьяволу, старый пес! — свирепо пробормотал вдруг Глан. — Уйди, или я придушу тебя...

— Перестань упрямиться, Ивар. Говорю тебе, как друг: посоветуй молодежи работать. Нам нужны люди. Могу обещать, — если только и ты обещаешь мне держать язык за зубами, — не только шесть человек, а все, кто согласится работать, останутся живы.

— У тебя язык без костей, — ответил Глан. — А мой не поворачивается для таких предложений...

— Ну, вот что я скажу тебе, в последний раз... — начал было Мейнеш, но в этот момент распахнулась дверь рубки, и Витема негромко позвал:

— Эй, Мейнеш!

— Да, капитан, — откликнулся Мейнеш и, шаркая тяжелыми сапогами, торопливо пошел к мостику. Глан слышал, как гремели его каблуки о медную оковку трапа. В квадрате двери еще некоторое время вырисовывалась худая фигура Витемы. Когда Мейнеш поднялся к нему, капитан притворил дверь у себя за спиной. Он сказал так тихо, что никто, кроме Мейнеша, не мог его слышать:

— Где эта старая падаль — Глан?

— На палубе, сударь, — понижая голос в тон Витеме, ответил Мейнеш. — Я думаю, куда его поместить, чтобы вам удобно было заниматься его лечением.

Витема негромко рассмеялся. Он приблизил губы к самому уху боцмана и что-то прошептал. Потом немного громче закончил:

— Смотри же, чтобы ни один норвежец не пронюхал об этом... Лучше всего проделай это без помощи матросов. У тебя еще хватит силы справиться с раненым?

Мейнеш только крикнул. Рука Витемы легла на плечо боцмана.

— Возьмешь пару колосников и конец покрепче. Пятнадцать минут на то, чтобы этой старой падали, не было на «Марте». Понял?

— Понял, капитан. — Голос Мейнеша звучал еще более хрипло и свирепо, чем обычно.

— Скажешь моему буфетчику, чтобы выдал тебе бутылку коньяку.

— Предпочитаю голландский джин, капитан.

— Я всегда завидовал твоим нервам, старик. Ну, иди..

Мелькнул светлый квадрат отворенной двери, и Витема исчез в рубке.

Мейнеш не спеша спустился на палубу. Сначала он было направился к неподвижно сидящему Глану, но потом резко повернул прочь. Долго возился у ящика с такелажным имуществом. Звонко прозвучал удар топора, обрубающего трос. Мейнеш мурлыкал что-то себе под нос...

Ровно через пятнадцать минут послышался осторожный стук в дверь капитанской каюты.

Витема оторвался от книги.

— Да!..

В каюту на цыпочках вошел Мейнеш и, сдернув шапку, вытянулся у двери.

Витема вопросительно поглядел на него. Повидимому, взгляд боцмана сказал ему больше, чем могли бы выразить слова. Витема подошел к столику около койки и, налив из стоящей там бутылки полный стакан коньяку, протянул Мейнешу. Тот крикнул и медленно выцедил золотистую жидкость.

Витема молча кивнул. Мейнеш повернулся на каблуках и вышел из каюты. Взгляд Витемы опустился на книжку, которую он все еще машинально держал в руке:

Кто в чаше жизни капелькой блеснет —
Ты или я? Блеснет и пропадет!
А виночерпий жизни миллионы
Лучистых брызг и пролил и прольет..

Витема усмехнулся и, глядя в подволок, повторил:

— «...А виночерпий жизни миллионы лучистых брызг и пролил и прольет...» Важно быть в жизни не каплей, а виночерпием!..

66. ПЛЕННЫЕ ПРОЯВЛЯЮТ ПОКОРНОСТЬ

Вечером, когда Найденов уже лежал в койке, караульный матрос отворил дверь каюты и грубо втолкнул в нее Йенсена.

— Здесь ты и будешь помещаться, — сказал матрос. — У нас нехватит кают первого класса на всю падаль, какую мы будем подбирать в море.

Даже тут, вторично увидев друг друга, ни Найденов, ни Йенсен не подали вида, что знакомы.

— Кто разрешил поместить его ко мне? — сердито спросил Найденов.

— Боцман Мейнеш, — последовал ответ матроса.

И лишь когда корабль погрузился в сон, Найденов и Йенсен шопотом поведали друг другу то, что произошло с ними со времени расставанья.

— ...и вот, — закончил свой рассказ Нордаль, — случилось худшее, что можно было предположить: нам предстоит путешествие в Германию. Я не верю тому, что нас выкинут за борт.

Найденов покачал головой.

— Вы плохо знаете Витему. Он способен привести угрозу в исполнение. Жизнь обеспечена лишь тем, кто согласится работать в его команде.

— Мы никогда не согласимся покупать жизнь ценою позора.

— А разве вы не считаете еще большим позором такую сдачу на волю победителя?

— Он согласен оставить в живых только шестерых...

— Можно поторговаться, оттянуть время.

— Что может измениться за три-четыре дня? Разве только то, что мы окажемся на несколько сотен миль ближе к немецкому порту, где Витема сдаст нас, как скот, в какой-нибудь лагерь.

— Вы чертовски легко примиряетесь с наиболее простыми вариантами, мой милый Нордаль, — рассердился Найденов.

— Не понимаю, на что вы рассчитываете? — В голосе Нордаля послышалась усталость. — Что касается меня, то я не вижу отсюда другого пути, как только... за борт вниз головой.

— Ну что ж, на крайний случай и это было бы выходом, но не раньше, чем мы испробуем кое-что иное. Пока

нас тут было двое — я и Житков, — сила была на их стороне, но теперь нас несколько десятков. Неужели же мы подчинимся воле этих разбойников? Если шестеро из нас войдут в их ряды, это равносильно тому, что у них выбыло двенадцать.

— Справедливо, — встрепенулся Йенсен. — А что, если среди нас найдется не шесть, а двенадцать, двадцать «предателей»?

— Вот! Наконец-то вы поняли меня! Важно, как я говорил, тянуть время. Чем больше времени будет в нашем распоряжении, тем лучше мы сумеем подготовить восстание пленных.

— Немцы достаточно предусмотрительны, — возразил Йенсен, — они разобщили нас. Одних поместили здесь, на баке, другие отправлены на ют. Я даже не знаю, где их держат. Вместе ли с немецкими матросами, или заперли в трюмах?

— Дайте время — всё узнаем. Рано или поздно мы установим связь между разобщенными людьми, если в составе команды окажется хотя бы шестеро наших. Пример «предательства» покажете вы...

После долгого обсуждения Нордаль все же предложил отказаться от восстания и ограничиться бегством с корабля. Это было легче осуществить. Но Найденов настаивал на своем плане. Во-первых, он не хотел оставить в руках Витемы документы, которыми тот овладел, во-вторых, желал, чтобы Витема был обезврежен и не мог продолжать свою пагубную деятельность шпиона, диверсанта и рейдера.

Тяжелые шаркающие шаги послышались за дверью. Остановились у каюты. Найденов и Нордаль настороженно смолкли. Дверь отворилась, и вошел Мейнеш. Он испытующе поглядел на одного, потом на другого. Не спеша достал трубку и старательно набил табаком. Найденову показалось, что Мейнеш нарочно медлит с уходом, словно хочет что-то сказать. Но боцман раскурил трубку, прижал загоревшийся табак заскорузлым черным пальцем и, еще раз с усмешкой глянув на пленников и удовлетворенно хмыкнув себе под нос, выпел. Его шаркающие, старческие шаги замерли в конце коридора...

— Вот кого нужно убрать, если мы хотим добиться успеха, — проговорил Йенсен.

— Да! Говорят — он ренегат. Я слышал, будто он норвежец.

— Боюсь, сам сатана не сможет разобраться в его происхождении. Ходили слухи, что он не то голландец, не то англичанин. А ренегат он, вероятно, дважды и трижды, если не все десять раз. Я не знаю, кому он верен, но догадываюсь о многих, кому он изменял. Если кому и принадлежит здесь право отправиться на дно в первую очередь после Витемы-Вольфа, так это боцману Мейнеш.

Найденов кивнул...

Житкову, помещавшемуся вдаль от Найденора — в корме, не спалось. Не давала покоя мысль об Элли. Ворочаясь с боку на бок, он тихо переговаривался с Фальком, лежавшим на диване, слишком коротком для его длинного тела. Впрочем, только одна нога доцента свешивалась за валик. Отстегнутый им в воде протез утонул. Фальк с трудом передвигался теперь при помощи палки, неловко подпрыгивая на единственной ноге.

— Но, черт меня побери, — говорил Фальк, — если это мешает мне вцепиться в горло проклятому гунну, как только я его увижу.

— Такая порывистость — плохой помощник в нашем положении, дорогой доцент, — возразил Житков. — Она привела бы только к одному: через час вы болтались бы на ноке рея в назидание другим, слишком темпераментным пленникам. Нам нужно больше полагаться на свою хитрость, нежели на силу.

— Пастор говорил нам о вас, как о более решительном человеке.

— Пастор?

— Я говорю о пасторе Сольнес. Хотелось бы мне пожать ему руку.

— Мои мысли теперь только на том и сосредоточены, как бы установить с ним связь, — сказал Житков. — У нас с пастором есть кое-какие счеты с этим бандитом, Витемой. Но пока нас тут было двое против сотни его головорезов, нам, собственно говоря, не о чем было сговариваться. Теперь обстоятельства переменились. С приходом наших товарищей силы уже далеко не так неравны.

— Можно подумать о бегстве отсюда.

— О бегстве?.. Может быть, и так. Но это значило бы оставить в живых Витему, а он слишком закоренелый носитель зла, или, как сказал бы, вероятно, наш друг пастор: исчадие ада, чтобы позволить ему и дальше творить его черное дело. Он должен быть уничтожен или, по крайней мере,

обезврежен. К тому же нам необходимо получить от него кое-что, уходя отсюда.

— Мне нравится то, что вы говорите, — оживился Фальк. — Такая игра стоит свеч! — Его взгляд блеснул гневом. — Мы разочтемся с ним...

Внезапно Житков приложил палец к губам. Ему послышались в коридоре шаркающие шаги Мейнеша. Вот шаги его замерли у самой каюты. После нескольких минут настороженной тишины дверь распахнулась, и они увидели боцмана. Он стоял подбоченившись, глядя на них из-под нависших седых бровей. За его широкой спиной кто-то скрывался.

— Ну-с... — Боцман вынул изо рта трубку и бесцеремонно пустил в каюту густой клуб дыма. — Живете тут, как пассажиры первого класса. У каждого по койке, казенный харч. Да все это еще бесплатно, хо-хо! — Он переступил порог и угрожающе шагнул к Житкову. — Ну-ка, поднимайтесь, господин хороший! Придется вам потесниться для нового жильца. — С этими словами он обернулся и за руку втянул в каюту испуганную Элли. Одна рука у нее была на перевязи. Лицо покрывала бледность. — Вот эта особа будет жить у вас, пока ее не смайняют за борт вместе с другой рванью или пока наш старик не найдет ей другого применения. — Мейнеш сделал в воздухе неопределенный жест толстыми волосатыми пальцами и взялся за ручку двери. Но, вспомнив что-то, он насмешливо поглядел на заключенных и не то серьезно, не то в шутку сказал: — Того барина на баке, вашего друга — пастора, я тоже уплотнил: посадил ему жильца. Неплохая получилась парочка: пастырь стада христово и нечестивец Нордаль, хо-хо-хо! — И, продолжая хохотать, он вышел, хлопнув дверью.

Житков бросился к Элли, подвел ее к своей койке. По все увеличивающейся бледности девушки он видел, как трудно ей держаться на ногах. Едва коснувшись подушки, Элли устало сомкнула веки.

Житков долго сидел у койки, глядя на спящую. Чем пристальней он вглядывался в тонкие черты Элли, тем невероятнее казалось ему, что эта нежная, беспомощная в своей болезни девушка и смелый, сильный сорванец, не раз помогавший ему на острове в самых трудных обстоятельствах, — одно и то же существо. Это казалось чудесным сном, от которого он вот-вот проснется.

— Вот обстоятельство, которого не учли ни вы, ни я, строя планы нападения на Витему. — Фальк с отеческой нежностью поглядел на девушку. — Ее присутствие может связать нас по рукам и по ногам.

— Если до этого момента уничтожение Витемы было только моим желанием, то теперь я воспринимаю его, как свой священный долг. Я слишком хорошо знаю, что угрожает ей со стороны Витемы... Ей я обязан жизнью, а значит и возможностью дальнейшей борьбы.

Житков устроил себе постель на палубе каюты, но ни он, ни Фальк еще долго не спали, шопотом обмениваясь планами освобождения. Порешили на том, что первым и самым важным было установление связи с баком, где заключен Найденов. Может быть, если только Мейнеш над ними не подшутил, где-нибудь недалеко от Найденова заключен и Йенсен. Может быть, им уже удалось повидаться?..

— Мало вероятно, чтобы этот старый чорт Мейнеш хоть раз в жизни сказал правду, — пробормотал Фальк. — А если он сейчас не соврал, то уж, наверно, задумал какую-нибудь пакость, соединяя пастора с Нордалем...

Наутро, когда Житков и Фальк поделились с Элли своими опасениями насчет того, что в соединении пастора и Йенсена кроется подвох, и заговорили о необходимости связаться с ними, Элли задумалась.

— Главное — выведать намерения немцев, — сказала она. — Мейнешу велено отобрать среди нас матросов. Кто-то из нас должен заявить о согласии работать... Чем больше окажется желающих, тем больше у нас шансов спасти своих людей.

Глаза Фалька засверкали гневом:

— Такою ценой?! Вы сами не знаете, что говорите. Только ваша молодость заставляет меня простить вам это, дитя мое.

Элли терпеливо выслушала упрек старика и спокойно продолжала:

— Что касается меня, то, если я смогу сегодня встать на ноги, я тотчас заявлю о желании работать у немцев. Кем угодно: кельнершей, буфетчицей, поварихой. Я должна быть там, среди них, и притом как можно ближе к офицерам.

Житков с удивлением слушал ее решительную речь.

— Это даст мне возможность, — продолжала Элли, —

знать, что они собираются делать. Я все могу передавать вам, а может быть, и пастору. — Она помолчала. — Слушайте! — Элли понизила голос, и глаза ее загорелись. — Передача сведений — не все, что я сделаю. — Она огляделась. — Я убью Вольфа!

Житков схватил ее за руку.

— Я не выпущу вас отсюда!

Она не вырвала руку. Если бы Житков мог видеть в этот миг выражение ее затененных длинными ресницами глаз, он понял бы, что его невольный порыв значил для нее больше, чем все доводы разума, какие он способен был привести против ее намерения. Но когда она снова подняла к нему лицо, в ее глазах не было ничего, кроме решимости.

— Я привыкла слушаться только одного человека — моего отца.

Фальк рассмеялся:

— Не думаете ли вы, фрекен, что так останется на всю жизнь?

Она отвернулась. Строго сказала:

— Сегодня я встаю.

К концу дня, когда принесли ужин, Элли сказала караульному:

— Я хочу видеть капитана.

Житков нахмурился и, когда караульный вышел, сказал:

— Надо найти другой способ сношений с пастором и Йенсенем. Вам лучше оставаться здесь... Нельзя ручаться за вашу безопасность...

— Для меня лучше всего то, что нужней, — ответила она. — Если им нужны только матросы вместо утонувших, пойду матросом.

— С вашей раной? — воскликнул Фальк.

— Через два-три дня я забуду о ней... Я умею стоять на руле; с парусами управлюсь не хуже любого из этих немецких ублюдков. Если бы не глупые законы, не позволяющие женщинам быть шкиперами, я бы давно сдала штурманский экзамен. — Она с гордостью посмотрела на Житкова.

— Вам недостает теперь только трубки, чтобы выглядеть настоящим моряком, — сказал Фальк и ласково притянул ее к себе. — Сядьте здесь и слушайте. Наш русский друг прав: в данных обстоятельствах вашу храбрость лучше спрятать подальше. Теперь нам больше может

понадобиться хитрость. А хитрость — сестра осторожности. Запомните: для начала ваша задача столь же скромна на вид, как и важна для нас всех, — добиться связи с пастором. Понимаете?

Лицо Элли было серьезно. На лбу появилась упрямая морщинка.

— Обещаю вам: так или иначе, позволят мне вернуться сюда или нет, — вы будете знать планы пастора.

Житков только успел юткрыть рот для ответа, как в коридоре послышались хорошо знакомые шаркающие шаги, и через минуту в дверях появилась массивная фигура Мейнеша.

Боцман не спеша вынул изо рта трубку и внимательно посмотрел на Элли. Житков готов был поклясться, что прочел в глазах Мейнеша выражение, какого никогда еще в них не видел: что-то похожее на сочувствие. Боцман укоризненно качнул своей тяжелой головой.

— Ох, и глупа же ты, девочка!.. — Он затаился. — А в общем, твое дело. Собирайся.

Житков потянулся было к Элли, но совладал с собой и только крепко пожал ей на прощанье руку.

Сама того не подозревая, Элли поступила именно так, как нужно было поступить для осуществления плана Найденова и Йенсена. Она была первой из спасенных, высказавших желание работать на «Орле». К вечеру того же дня всех пленных снова выстроили на шканцах, и, показав на Элли, Витема сказал:

— Стыдно вам, взрослым морякам. Девчонка подает вам пример благоразумия. В благодарность за мое доброе отношение к ее отцу, старому Глану, она первой вышла на работу. Тот из вас, у кого есть голова на плечах, а в голове хоть немного мозгов, последует ее примеру. — Он оглядел молча стоящих пленников. — Ну, кто хочет работать, — шаг вперед!

Среди воцарившейся тишины твердо прозвучали шаги. Все головы повернулись на этот звук. Тяжкий вздох вырвался из десятков грудей: первым вышел Йенсен. Ропот пробежал по рядам. Молодой рыбак протиснулся из задних рядов и остановился между толпой и Нордалем.

— Эй, Нордаль! — негромко сказал он. — Ты наш предводитель, каждое твое слово было для нас законом. Мы считали тебя честным парнем. Но, видит бог, если ты

это сделаешь, я сверну тебе шею: — Коренастый парень решительно шагнул вперед.

Нордаль не отступил. Он поднял руку.

— Оттого, что мы оказались в плену, я не перестал быть вашим начальником, — громко сказал Нордаль. — Не ты мне свернешь шею, а я собственными руками проучу всякого, кто не исполнит моего приказа.

— Прикажи, и мы с голыми руками бросимся на немецкую падаль.

— Нет! — повелительно бросил Нордаль. — Сила не на нашей стороне. Мы должны подчиниться. Мой приказ: выходить на работу.

С мостика послышался смех. Это смеялся Витема.

— Наконец-то вы заговорили настоящим языком. Боцман распределит вас по вахтам. Всех, кроме девчонки. Она будет служить в офицерской кают-компании. Ты слышал, Мейнеш?

— Да, капитан.

— Всякий, кто ослушается Йенсена и не придет в себя от его кулаков, пусть отведает твоих собственных. Понял?

— Да, капитан.

— Эй, вы, надеюсь, у вас уши не заткнуты ватой?

Ответом было гробовое молчание.

Боцман подошел к норвежцам. Его волосатый палец по очереди упирался в грудь стоящих.

— Первая вахта... вторая... третья...

Три немца — боцманы вахт — приняли новых подчиненных и погнали их вниз.

Когда все были распределены, Витема сказал Йенсену:

— Теперь запомни: за каждого из них в отдельности и за всех вместе ты отвечаешь мне головой. А в том, что эта часть твоего тела находится в надежном залоге, поручкой наш общий друг Мейнеш.

Нордаль понял, что он заложник. От этого он вовсе не почувствовал, чтобы его голова стала крепче сидеть на плечах...

67. НОРДАЛЬ КЛЯНЕТСЯ ПОВЕСИТЬ ВИТЕМУ

С тех пор как в кают-компании появилась хорошенькая буфетчица, жизнь офицерской части экипажа «Черного орла» приняла новое направление. Все три помощника капитана неизменно садились теперь за стол после каждой

вахты и забегали в кают-компанию перед вахтами выпить рюмку подкрепляющего. Но этого мало: они даже перестали потихоньку ворчать по поводу изменения Витемой его первоначального намерения вернуться в Германию. Уже спустившись к Немецкому морю, он вдруг заявил, что крейсерство продолжается, и снова пошел северным курсом. Даже эта неприятность не вызвала неудовольствия офицеров.

Юная буфетчица сумела повести дело так, что оказалась в безопасности от поползновений кого-либо из офицеров. Каждый из них рассчитывал быть первым и ревниво следил, чтобы другие его не обогнали.

Хорошо, что Житков не мог видеть происходящего в кают-компании. Вероятно, он не узнал бы Элли. Новая кельнерша казалась олицетворением легкомыслия и кокетства. Скоро она добилась того, что свободно передвигалась по кораблю и даже начала покрикивать на стюарда и каютных юнг. Попытки их сопротивления разбились о поддержку, оказываемую Элли старшим офицером. Заглядываясь на белокурую кельнершу, он рассчитывал благодаря своему положению оттереть двух других помощников капитана. Старший офицер — лейтенант резерва Йенш — был коренастый немец с багровым лицом. Если остальные офицеры не отказывали себе в удовольствии выпить лишнюю рюмку, то Йенш вообще редко бывал трезв: от него постоянно разило спиртом, и маленькие водянистые глазки его всегда были мутны. Он свободнее других держался с капитаном, даже иногда дерзил ему, чего — упаси бог! — не мог себе позволить никто другой. Все на «Орле» знали: капитан терпит своего старшего помощника только потому, что тот самый опытный из офицеров. Здоровенные кулаки Йенша были хорошо знакомы матросам «Орла». Пожалуй, единственными людьми на всем судне, у кого не щемило под ложечкой, когда на них останавливались мутные глаза первого помощника, были Витема и боцман Мейнеш. Да вот еще с некоторых пор, к удивлению самого Йенша, смело стала глядеть ему в глаза эта юная кельнерша...

Однажды, — это было в кают-компании, когда Йенш остался один за столом, — он потянулся волосатой ладонью к розовой щечке кельнерши. Элли изо всей силы ударила по этой лапе, похожей на облепленную грязной шерстью лопату, и... сама испугалась. Йенш удивленно по-

глядел на свою руку и радостно зарычал, приняв удар за кокетливое заигрывание. Глазки его подернулись влагой.

— О-о!!

Элли поглядела в мутные глаза офицера и заставила себя улыбнуться, а когда он снова потянулся к ней, ускользнула прочь. Это было трудной игрой. Девушка намеренно разжигала надежды немца. Нужно было видеть ее, когда Йенш ушел наконец из кают-компания. Элли устало прислонилась к переборке, словно лишившись последних сил. Но вот раздались шаги в коридоре. На смену Йеншу явился другой офицер — второй помощник капитана. Он мало чем отличался от Йенша в способах ухаживания. Его настойчивость умерялась только необходимостью то и дело оглядываться на дверь: не вошел бы старший офицер?

Уходил второй помощник — являлся третий...

С каждым из них Элли вела ту же игру. И скоро она могла с уверенностью сказать, что добилась того, к чему стремилась, — известной свободы действий. Она могла теперь служить посредником между Найденовым и Нордалем с одной стороны, Житковым и Фальком — с другой. Благодаря ей друзья выработали слаженный план совместных действий.

Во вторую вахту, которую несут Йенш и Мейнеш, — самые опытные и бдительные из командного состава, умеющие обходиться на парусных работах собственными силами и редко прибегающие к вызову подвахты, — подвахтенные поголовно спят. Эта часть суток наиболее удобна для действий заговорщиков. Элли должна была обезвредить обоих младших офицеров. Ей будут даны в помощь два-три надежных человека. Как только офицеры будут обезоружены, пленные норвежцы свяжут своих немецких соседей по вахтам. Правда, норвежцев меньшинство, но зато на их стороне внезапность. Для вооружения норвежцев Элли надеялась добыть в каюте каждого из двух офицеров по меньшей мере пистолет и винтовку, которые ей уже удалось заприметить. Началу военных действий внутри судна должно предшествовать полное изолирование от верхней палубы. Все выходы на нее будут заперты, чтобы бодрствующая часть команды, с решительными и свирепыми Йеншем и Мейнешем во главе, не могла притти на помощь своим товарищам внизу...

Когда удастся захватить внутренние помещения «Орла», настанет очередь верхней палубы. Это, по мнению заговорщиков, должно быть наиболее простым. Во-первых, к тому времени восставшие будут уже вооружены; во-вторых, в составе второй вахты, как и в других, имеются норвежцы. Ударом в тыл врагу они помогут овладеть палубой...

— Право, я начинаю жалеть, что в детстве некому было дать мне несколько хороших романов о бунтах на кораблях, — с усмешкой сказал Найденов Йенсену, укладываясь спать. — Теперь бы этот опыт пригодился...

— Едва ли вам могло когда-нибудь притти в голову, что следует заблаговременно подучиться бунтовать, а?

— Может быть, мне тогда не пришлось бы гадать, чем все это должно кончиться.

— Как и во всяком романе с хорошим концом, — победой!.. Клянусь всеми святыми и призываю вас в свидетели: не дальше, как нынче на заре, Витема будет висеть в петле!

— Блажен, кто верует, Нордаль, — скромно проговорил Найденов, — во имя отца и сына!..

— Аминь! — Нордаль повернулся на бок. — В нашем распоряжении еще два-три часа, чтобы соснуть...

— У вас чертовски крепкие нервы, дружище, — проговорил Найденов, но тут же рассмеялся. — Впрочем, я прогневил бы отца небесного, если бы стал жаловаться на свои. Покойной ночи!

С этими словами он натянул на себя одеяло. Скоро в каюте не стало слышно ничего, кроме ровного дыхания спящих.

Ни один из них не слышал, как осторожно отворилась дверь и в каюту кошачьими шагами вошел Витема. За его спиной стоял Мейнеш. Вглядевшись в спящих, Витема кивнул боцману. Тот проворно, с неожиданной для его тяжелого старого тела легкостью, проскользнул следом за капитаном и быстро, привычными движениями сыщика, обшарил карманы развешанной по переборкам одежды спящих. Все, что было в них острого, режущего, колющего, — все перекочевало в карманы Мейнеша.

— Больше ничего? — разочарованно прошептал Витема. Мейнеш отрицательно качнул головой.

Так же тихо оба выскользнули прочь.

68. РОМАН СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

..Элли перегнулась через борт шлюпки и болтала руками в воде. Вода была необыкновенно теплой. Приятная истома поднималась от кистей рук к плечам, разливалась по всему телу. Рядом с нею на банке, бросив весла, сидел Житков. Он молчал, но его взгляд говорил Элли больше, чем можно выразить словами. И от того, что она читала в этом взгляде, ей делалось еще теплей. Элли чувствовала: еще мгновение — и голова ее закружится от этой никогда не испытанной сладкой теплоты и она упадет за борт. Но странно, ей не было страшно: вода была такую нежной, теплой, ласковой.. Так сладостно было бы окунуться в нее... Вот, вот еще немножко. Голова идет кругом, туман застилает сознание. Элли слышит странный звон и... в испуге просыпается.

Она видит себя стоящей у раковины умывальника в буфетной. Ее руки опущены в теплую воду, в которой она моет посуду. У ног — черепки разбившейся чашки. Элли встряхивает головой и взглядывает на часы. Ровно час пополудни. Пора. До условленного времени восстания — середины первой вахты — остался один час...

То, что она делает, очень мало похоже на приготовления к вооруженному восстанию на корабле. Ее маленькие ловкие руки проворно разжигают спиртовку. Через пятнадцать минут аппетитный запах закипающего какао распространяется по кают-компании. На второй спиртовке жарится яичница с ветчиной. Элли готовит рюмки, бутылку...

Время от времени она вскидывает глаза на часы и с беспокойством поглядывает в коридор, где видны двери офицерских кают. Ей кажется странным, что одна из дверей не заперта плотно, как обычно, а приотворена. В загороженную шторой щель пробивается тонкий луч света. Элли силится вспомнить и не может: была ли эта дверь так же приотворена с полуночи, когда Витема прошел к себе в каюту, или он приоткрыл ее, пока Элли так непротистительно задремала над недомытой посудой? Время близится к двум. Сейчас должны притти товарищи, они помогут ей выполнить первую часть плана. Было бы безумием начинать все это около приотворенной двери командира.

Элли вздрогнула. словно вызванные ее мыслями духи, наверху тонущего в полумраке трапа возникли три темных

силуэта. Элли рванулась со стула. Застыла с пальцем, предо-
стерегающе прижатым к губам. Но, повидимому, пришель-
цы не замечают этого жеста. Они спускаются в кают-ком-
панию. Ей кажется, что осторожное прикосновение их по-
дошв к ступеням грохотом разносится по кораблю. Мураш-
ки бегут по спине. Взгляд прикован к проклятой двери и...
О, боже! Штора колыхнулась. Элли бросается к своим то-
варищам, отталкивает их в дальний конец салона. Они
бестолково пятятся, не понимая, в чем дело. Ее взгляд
растерянно отыскивает укрытие. Три человека! Трое здоро-
венных мужчин! Она готова разревется от отчаяния. Но
вот взгляд ее падает на массивный обеденный стол. Лампа
над ним погашена. Тяжелая плюшевая скатерть ниспадает
до самой палубы. Элли поднимает ее край и жестом отча-
яния указывает мужчинам под стол. Ей хочется кричать от
досады на их медлительность. Первый раз в жизни рыбаки
кажутся ей такими неповоротливыми. И боже правый, как
грохочут их сапожники даже на ковре!..

Она опустила край скатерти и обернулась. В конце ко-
ридора стоял Витема...

Элли почувствовала, что ее ноги сделались ватными, —
вот-вот они подогнутся... А Витема, прямой и спокойный,
не спеша шел в кают-компанию. Элли силилась понять по
его лицу: видел он или не видел? Но ни одна черточка не
дрогнула на его лице. Элли даже не могла понять, видит
ли он ее, — так пуст и безразличен был его взгляд.

Элли собралась с силами и сделала шаг навстречу Ви-
теме; почтительно присела. Он поглядел на нее безразлич-
но, словно не узнавая.

— В чем дело?

Голос его звучал устало. Элли пролепетала что-то о
завтраке, приготовленном для второго помощника, которо-
му скоро вступать на вахту.

Витема сделал над собой видимое усилие, и лицо его
несколько ожило, хотя взгляд оставался все таким же от-
сутствующим.

— Завтрак?.. — Он словно силился осмыслить это
странное слово. — Принесите мне содовой. — Он нап्रा-
вился к столу, повернул кресло и сел, вытянув ноги. От
черно-белых полос пижамы они казались неестественно
скрученными, как резиновые жгуты.

Элли поставила перед капитаном сифон. И тут с удив-

лением заметила, что на ногах Витемы нет туфель — он был в одних носках.

Витема повернулся на вращающемся кресле к столу и сунул ноги под скатерть. Элли замерла. Ей казалось, что сейчас он должен наткнуться на спрятанных там людей. Вот он что-то нащупал ногой. Нагнулся, приподнял край скатерти. Непонимающе поглядел на свою необутую ногу и...

— Принесите туфли, там, возле койки.

Элли впервые ощутилась в каюте Витемы. Но ей было не до любопытства. Она быстро хватает туфли и поворачивается к двери. Ее взгляд падает на переборку: у изголовья висит большой автоматический пистолет. Элли хватается за него и бежит в кают-компанию. В одной руке у нее туфли. Другую она держит за спиной. Подбегает к столу. Витема сидит, откинувшись в кресле. Сифон наполовину пуст. Витема не спеша вынимает из кармана пиджама сигару. Пальцы его слегка дрожат. Когда он оборачивается к Элли, лицо его приобретает обычное холодное выражение.

— Позвольте, я надену!.. — Элли быстро нагибается к ногам Витемы и сует под стол руку, в которой судорожно зажат пистолет.

— Так вы говорите, завтрак? — насмешливо спросил Витема.

Элли молчала.

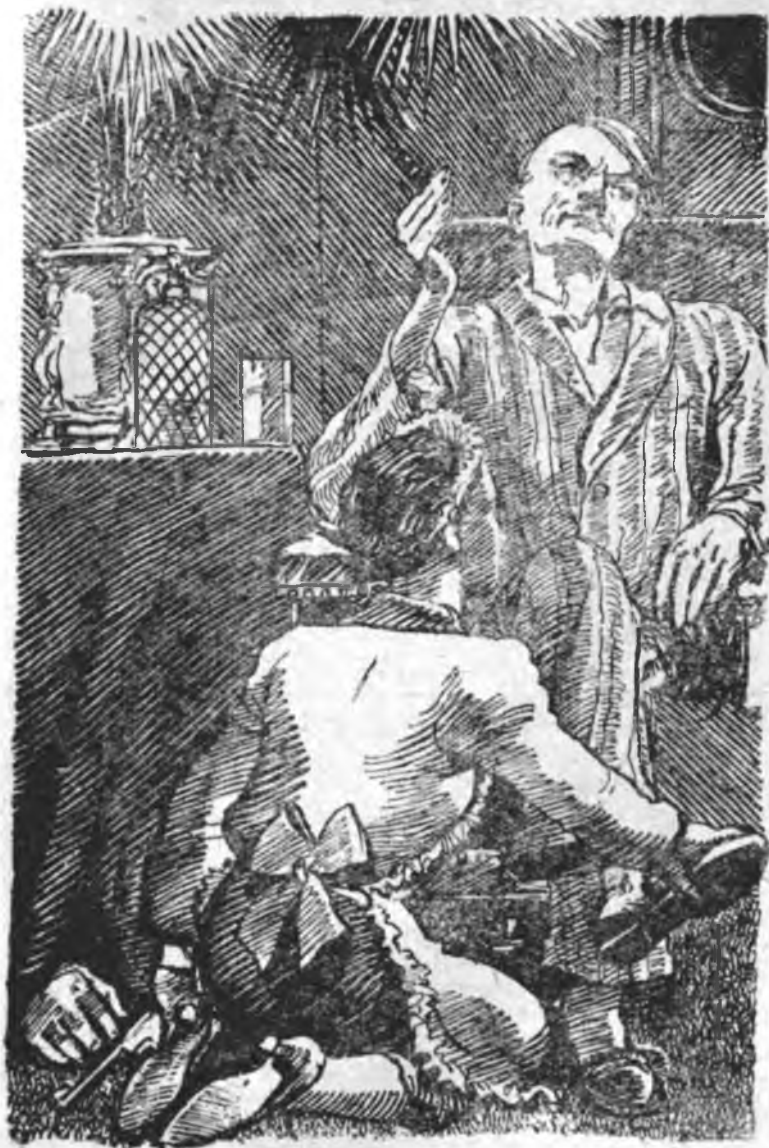
— Раньше я не замечал, чтобы вы готовили офицерам завтраки по ночам!

Элли с деланным смущением опустила глаза. Она чувствовала на себе взгляд капитана. Он оглядывал ее с ног до головы долгим, оценивающим взглядом, словно проходил по ее телу кончиком заряженной электричеством проволоки.

С палубы донесся звон склянок. Четыре удара!.. Элли вздрогнула: именно этот час назначен для начала действий. С этого момента Найденов в корме и Житков в носу будут ждать сигнала о том, что с офицерами покончено... А Витема продолжал сидеть и молча курил. Элли больше не могла оставаться неподвижной. Нужно было что-нибудь делать! Все равно что, только бы двигаться, говорить. Элли потянула руку к сифону.

— Позвольте убрать?

Витема кивнул. Повернул кресло и встал. Шагнул прочь от стола. Теперь это были обычные легкие шаги Витемы.

Элли быстро нагибается к ногам Витемы и сует под стол руку, в которой судорожно зажат пистолет.

Руки засунуты в карманы пижамы. Спина выпрямлена. Элли вздохнула с облегчением: Витема направился к трапу. Но вот он остановился и вполборота бросил:

— Вы не думаете, что завтрак ваш сделан напрасно?

Элли судорожно сжала край подноса.

— Простите?..

Витема не ответил, сделал несколько быстрых шагов к двери и отпустил защелку американского замка. Витема стоял перед Элли прямой, холодный и насмешливо смотрел ей в лицо.

— Вы знаете, что такое роман со счастливым концом?.. — Он тихонько засмеялся. — Судя по вашему виду, с вами это происходит впервые. Ну что ж... — Он подошел к буфетной стойке и задул пламя обеих спиртовок. — Теперь вы можете отнести содовую... ко мне в каюту. — Он повернулся на каблуках, и... удар тяжелого сифона по голове заставил его покачнуться. Прямое длинное тело его бессильно согнулось и упало на палубу...

Через две-три минуты Витема лежал спеленутый, как ребенок, с плотно завязанным ртом. Элли в бессилии опустилась в кресло. Нордаль налил ей стакан содовой. Слышно было, как стучали о стекло ее зубы.

Шкипер Лунд погладил Элли по голове. Она пришла в себя и уверенными точными движениями собрала на подносе завтрак: какао, яичницу, бутылку вина. В следующую минуту осторожно постучала в дверь второго помощника. Около нее, прижавшись к переборке, стояли Нордаль, Лунд и крепкий белобрысый рыбак.

За дверью послышался шорох. Щелкнул замок. Заспанный офицер выглянул в коридор.

— Что такое?

Элли стояла с подносом. С неподдельным смущением опустила глаза. Офицер несколько мгновений смотрел на нее, непонимающе мигая. Потом пригладил волосы.

— Уже вахта?

Элли пролепетала, запинаясь от отвращения:

— У нас еще два часа...

Офицер распахнул дверь и с гадким смешком потянул Элли к себе. Она проскользнула в каюту. Следом за нею ворвались Нордаль и белобрысый рыбак. Лунд с пистолетом Витемы в руках остался на страже в коридоре. За дверью второго помощника послышалась возня, хрипение, немецкие ругательства, заглушенные подушкой. Через не-

сколько минут Элли, Нордаль и рыбак вышли в коридор. В руках Нордаля был второй пистолет. Белобрысый рыбак сунул Лунду винтовку. Элли дрожащими руками привела в порядок поднос для такого же трюка с третьим помощником. Но дверь его каюты вдруг отворилась, и молодой офицер выглянул сам.

— Что тут за шум?

Лунд ответил ему ударом приклада. Офицер растянулся поперек коридора. Его связали и запихнули обратно в каюту.

Нагруженные оружием, все вбежали в кают-компанию. Первое, что им бросилось в глаза: Витемы не было.

Нордаль двумя прыжками взбежал по главному трапу. Дверь на палубу оказалась запертой снаружи.

69. БЕГСТВО ПОВЕШЕННЫХ

Нордаль и Лунд укрепили дверь так, чтобы ее нельзя было открыть снаружи. После этого они смело подали условленный сигнал товарищам и, разделившись на две группы: Нордаль и Элли в одной, Лунд и рыбак в другой, поделив поровну добытое оружие, бросились на помощь тем, кто должен был действовать в кормовой и в носовой частях судна.

Как правильно рассчитывали вожаки восстания, наличие вооруженной силы произвело свое действие на лишенных командования матросов. Несколько выстрелов по сопротивляющимся—и немецким матросам стало не до того, чтобы разбираться, сколько оружия у восставших. Большая часть матросов безропотно дала скрутить себе руки за спину. Через полчаса в распоряжении восставших оружия было больше, чем они могли захватить. Каждый был вооружен сильнее, чем любой матрос на палубе. Найденов, Житков, Нордаль собрались посоветоваться, как легче овладеть палубой. Но тут пришла неожиданная весть: прежде чем думать о захвате палубы, нужно было справиться с машинной командой. Машинисты заперлись в кормовом отсеке, где находился вспомогательный двигатель «Орла», и на требование сдачи ответили выстрелами. Из прохода было слышно, как гудит пламя в запальных шарах двигателя. Раздавались звонки машинного телеграфа. Повидимому, машинисты, выполняя приказ с мостика, запускали мотор.

Витема торопился, не полагаясь на одни паруса. Найденов понял: они ошиблись, предполагая, что, разъединив линию, питающую от динамо радиорубку, лишили тем самым Витему единственного средства спасения — радио. Владея нутом корабля, восставшие оказались в роли пассажиров, которых Витема повезет, куда ему вздумается.

Найденов и Житков понимали: дорога каждая минута. Встретясь Витеме немецкий корабль, он получит необходимую помощь и перейдет в наступление. Кроме того, он может связаться с Германией. На помощь ему быстро придут эсминцы. Конечно, восставшие не дадутся теперь живыми в руки немцев; может быть, им даже удастся утащить с собою на дно и врагов, взорвав судно, но не к этому стремились друзья: им нужна была жизнь, свобода, им нужны были документы, которыми до сих пор владел Витема. Им был нужен сам Витема — живой или мертвый!

— Нужно любой ценой помешать ему вести судно туда, куда он хочет, — сказал Житков.

— Даже, если мы овладеем машинным, у него остаются паруса, — заметил Лунд.

— Ладно! — воскликнул Житков. — Мы лишим его руля. Румпельное отделение в нашей власти. Мы перерубим штуртрос. Когда нам понадобится, мы сумеем его срastить.

Лунд в сомнении покачал головой:

— По-моему, проникнуть в румпельное можно не иначе, как через машину.

— Значит, первая задача — вышибить немцев из машины! — решительно заявил Найденов.

Несколько ручных гранат, брошенных под стальную дверь машинного отделения, сделали свое дело. Проход был открыт. Но первый же норвежец, сунувшийся туда, упал с простреленной головой. За дверью была крошечная площадка. С нее узкий железный трап вел вниз, где стоял двигатель. Укрываясь за ним, немцы вели прицельный огонь по единственной двери, через которую можно было до них добраться.

— Придется рискнуть машиной, — сказал Найденов. И несколько ручных гранат одна за другой полетели вниз.

Немцы ответили градом пуль. Пули стучали по стальным переборкам, рикошетировали, причудливо визжа на разные голоса.

Житков решительно отстранил Найденова от входа, ползком пробрался к стальному помосту, нависшему над

бездной трюма, осторожно выставил край автомата и дал короткую очередь по мелькнувшей внизу голове машиниста. Снизу донесся стон. Житков терпеливо ждал, когда выглянет следующий, но тут вдруг свет, заливавший машинное отделение, погас; освещенной осталась только верхняя площадка, на которой лежал Житков. Положение стало неравным. Немцы могли стрелять по наступающим, оставаясь сами невидимыми. Житков, не долго думая, приложился и выстрелил по лампе над своей головой. Все вокруг погрузилось во тьму. Ярко алели внизу запальные шары у головок цилиндров. В них гудело веселое голубое пламя горелок. Звонко ударил гонг телеграфа. Раз, другой. Послышался голос механика, отвечающего что-то в переговорный на мостик. Житков слышал, как засвистело в цилиндрах. Глубоко вздыхая, двигатель пошел. Снова раздался звон гонга, и Житков почувствовал, как дрогнуло судно от завертевшегося винта. Этот стук ожившей машины подействовал на Житкова, как удар.

— Их нужно вышибить, — проговорил он, обернувшись к Найденову.

— Нужно вышибить, — ответил тот и сделал знак лежащим за ним товарищам.

В следующее мгновение несколько человек стремглав кинулись по трапам в черную пропасть машинного отделения. Снизу сверкнули выстрелы, громом отдавшиеся в металлической коробке отсека. Им ответила очередь житковского автомата. Немцы не смогли задержать стремительного наступления восставших норвежцев.

Пренебрегая осторожностью, Житков обогнул грохочущий двигатель и, не целясь, выпустил в темноту длинную очередь из автомата.

Скоро все было кончено. Выстрелы стихли. Слышался только ровный гул работающего двигателя...

Житков очнулся от острого луча ручного фонарика, ударившего ему в лицо. Над ним стоял Найденов. Он помог Житкову подняться с палубы, куда его бросил удар по голове, полученный от кого-то в темноте. Житков стоял, пошатываясь, и держался за гудящую голову. Найденов же, убедившись в том, что его друг жив, бросился к пусковому клапану и выключил двигатель. Почти сейчас же над их головами раздалось из переговорного басистое рычание Йенша:

— В машине! Какого чорта? Ослепли вы, что ли? Посмотрите на циферблат телеграфа, чорт бы побрал ваши души!.. Вам приказано: полный вперед, а вы стопорите шарманку!

Найденков сейчас же крикнул в ответ:

— Алло, на мостике! Говорит вахтенный машинист..

— К чортовой матери! На кой мне дьявол машинист? Пусть подойдет старший механик.

— Господин старший механик пошел к вам на мостик. Он лично доложит о причине остановки машины.

— Верните старого дурака. Он не пройдет на мостик. Судно захвачено бунтовщиками.

— Никак нет, господин лейтенант, — ответил Найденков. — Он пройдет кормовой рубкой. Нам удалось перекрыть проход в корму. Бунтовщики изолированы в носовой части корабля. Вся корма — наша.

— Вы в этом уверены? — В голосе Йенша прозвучало недоверие. Наступило молчание. Потом снова захрипел старший офицер: — Алло, вы там! Пускай механик тащится сюда, да живей. Мы разбаррикадуем кормовую дверь...

Товарищи поняли все без приказаний Найденкова. Он еще заканчивал этот разговор, а Нордаль, Лунд и все их люди уже стремглав неслись к кормовому люку. Через несколько минут оттуда послышались выстрелы и шум свалки.

Прошло еще не менее двух часов, прежде чем Найденков, Житков и Нордаль, сойдясь на мостике «Орла», торжественно протянули друг другу руки.

— Вот и счастливый конец романа! — улыбаясь, сказал Нордаль Найденкову.

— Это только последняя глава, но не эпилог, — отвечал Найденков.

— Не знаю, чего вам еще нужно? Кажется, все атрибуты романа о мятеже на корабле налицо. — Нордаль указал на фокарей, на обоих ноках которого, раскачиваясь в такт плавным движениям «Черного орла», висели два трупа. То были тела Витемы и его первого помощника Йенша.

— Что касается капитана, то я предпочел бы видеть его живым, чтобы иметь возможность кое о чем спросить его, — сказал Найденков.

— Да и у меня были с покойным довольно серьезные

счета. Чертовски жаль, что не суждено получить по старым векселям! — согласился Житков. — Откровенно говоря, я до сих пор не понимаю, каким образом такой человек, как милейший Витема, мог угодить в столь неудобное положение.

— Я и забыл, что ты не участвовал в штурме палубы, — сказал Найденов. — Дело было так: мы овладели половиной верхней палубы. И тут вдруг с их стороны появился парламентар. Как ты думаешь, кто это был?

— Нетрудно догадаться, — сердито вставил Нордаль. — Многократному ренегату ничего не стоило предать еще раз.

— Неужели Мейнеш?

— Он самый, — кивнул Найденов. — От имени команды он сделал предложение: мы даем им возможность спустить катер и не преследуем их, за это они не пошлют в нас больше ни одной пули и оставят судно в нашем полном распоряжении. А нужно тебе сказать, что у них было четыре пулемета. Тут было о чем подумать! Но мы ему все же категорически заявили: с «Орла» могут уйти все, кроме Витемы. Витема должен остаться в наших руках. За это мы, в свою очередь, обещали отдать им и тех прохвостов, что лежали связанными в жилой палубе.

— Зря, — сказал Житков. — Я бы не согласился. Их участь была решена. Они были в ваших руках.

— Знаю, — ответил Найденов. — Но стоили ли эти двадцать башбузукон двадцати наших людей?.. В общем Мейнеш вышел вторично и сказал, что они согласны отплыть без своего капитана, но оставят его нам не живым, а... повешенным. В качестве бесплатного приложения рядом с ним они повесят и старшего офицера Йенша. «Если мы оставим их живыми, — сказал Мейнеш, — ни у кого из нас не будет уверенности в том, что нам самим не суждено закончить жизнь в петле. Раню или поздно наш капитан уйдет из ваших рук...» Да, такова была непоколебимая вера этих дураков в силу своего капитана. И тут уж они не шли ни на какие уступки. Они предпочитали драться с нами до последнего, чем рискнуть когда-либо испытать на себе месть Витемы. Нам ничего не оставалось, как согласиться, и вот...

Он указал на повешенных!

— В конце концов, — сказал Йенсен, — я ничего не имею против такого эпилога.

Житков взял Найденова под руку, так как все еще чувствовал слабость.

— Первый раз в жизни в голове у меня такой туман, — сказал он. — Интересно, кто это хватил меня по черепу? Там было темно, как в преисподней...

— Больше всего хотелось бы мне повернуть на северо-восток, — сказал Найденов. — Так, чтобы Нордкап остался у нас справа. А там Мурманск, Архангельск, родная земля, институт!..

— Мы не имеем права решать этот вопрос без норвежцев. Их в двадцать раз больше, чем нас. По праву они хозяева корабля.

Беседуя так, Житков и Найденов прошли до конца продольного мостика над носовой рубкой. Стоя здесь, они решили, что призовут на совет Нордаля, Фалька и Лунда, предоставив им преимущество в решении судьбы корабля.

Житков поднял голову, любясь поднявшимися над ним огромными полотнищами парусов, и невольно вздрогнул: прямо над ним покачивался труп Витемы. Он был в той же полосатой черно-белой пижаме. Этот наряд делал его похожим на каторжника, как их изображают в американских фильмах. Несмотря на отвращение, Житков взглянул в лицо повешенному. Он схватил Найденова за руку.

— Саша... он жив! — пробормотал он.

— Тебя, повидимому, действительно здорово хватили по голове...

— Я тебе говорю: он глядел в нашу сторону. Он жив. Найденов расхохотался:

— Попробуй повисеть часок-другой, потом скажешь мне, жив ты или нет.

Житков вынул пистолет.

— Я должен быть уверен в том, что он мертв. — И он направил пистолет на труп Витемы.

Найденов отвел его руку.

— Ты хочешь, чтобы о русских моряках пошла слава, что они расстреливают трупы повешенных врагов? Говорю тебе: иди ляг.

Житков неохотно спрятал пистолет. На мостик поднялись Нордаль и Лунд. Следом за ними, тяжело опираясь на костыль, карабкался Фальк.

Все вместе приступили к обсуждению плана дальнейшего плавания «Черного орла». Но вдруг Житков прервал их:

— Давайте перейдем в другое место. Можете считать меня нервной девчонкой, но мне все кажется, что он нас слушает.

— Кстати, о девушках, — сказал Найденов. — Элли заслужила право быть среди руководителей. Думаю, что обязанность привести ее сюда падает на тебя, а?

К полудню было принято решение идти в Англию. Оттуда каждому предоставлялась возможность направить свой путь по собственному выбору. Судно же будет передано в распоряжение находящегося в Лондоне норвежского правительства.

Люди разошлись по кубрикам и каютам. Житков и Найденов решили остаться со своими старыми сожителями: Нордалем и Фальком, но по дороге к себе зашли в капитанский салон.

Найденов бегло осмотрел ящики стола, ощупал карманы аккуратной развешанной одежды.

— Ключей нигде нет, — сказал он. — Как это ни противно, но придется обыскать карманы пижамы, в которой он висит.

— Нужно убрать трупы.

— Ты прав. А ключи все же нужно найти. Я думаю, что наши документы запрятаны тут, в каком-нибудь надежном местечке.

— Давай займемся этим, ну хотя бы нынче в полночь.

— Идет. Назначаем для встречи полночь.

— Добро. А до тех пор в койку. Смертельно хочется спать, и чертовски болит купол...

Ровно в полночь они встретились в кают-компании.

— К сожалению, придется начинать с самого неприятного, — сказал Найденов. — Нужно найти ключи.

Они поднялись на верхнюю палубу и по продольному мостику направились к фок-мачте, где висели трупы немцев. По пути Найденов окликнул вахтенного помощника:

— Не прикажете ли вы двум-трем людям помочь нам снять трупы? Не стоит оставлять этот спектакль до утра.

Норвежец отдал необходимые распоряжения. Найденов по его голосу понял, что тот только что очнулся от дремоты. В сопровождении боцмана и двух матросов друзья пошли по продольному мостику к носу корабля. Дошли до фок-мачты. Но Найденов напрасно всматривался в темноту: он никак не мог разглядеть труп Витемы...

Житков поднялся по вантам до того места, где висел капитан. Найденов услышал из темноты его голос:

— Повидимому, предыдущая вахта уже сняла труп.

— Нет, херре Житков, — сказал боцман. — Я как раз спрашивал об этом боцмана при смене. Он сказал, что оставил это удовольствие мне.

— Не сам же Витема сошел с реи, — рассердился Найденов. — Пойдите к вахтенному помощнику и узнайте, где трупы.

— Понимаю, херре пастор. Сейчас же спрошу. — И боцман побежал к кормовой рубке.

Пришел вахтенный помощник.

— Я только что ходил к первому помощнику. Он и не думал снимать трупы. Он даже уверяет, что перед самой сменой видел их на рее.

— А вы сами видели их, когда заступали на вахту? — раздраженно спросил Найденов.

— Нет, херре пастор, мне было не к чему любоваться ими.

— Что я тебе говорил! — воскликнул Житков.

— Пустяки, — рассердился Найденов. — Сейчас мы узнаем, кто это сделал.

Найденов быстро спустился с мостика и побежал к Лунду. Но и Лунд ничего не знал. Не имел об этом никакого представления и Йенсен. Подняли на ноги обе нижние вахты, опросили всех. Никто не притрагивался к повешенным. Между тем оба трупа исчезли.

— Я тебе говорил, — снова повторил Житков.

— Ну что, что ты мне говорил? — спросил Найденов, чувствуя, как, помимо воли, заражается сомнениями друга. — Не воображаешь же ты всерьез, что они вылезли из петли?

Житков негромко сказал:

— Можешь надо мной смеяться, но, ей-богу, я именно это и думаю.

— Это сделано рукой постороннего, — сказал Найденов и посветил фонариком на свисающий с нока конец веревки: она была срезана острым ножом. Точно такой же вид имела и веревка, на которой висел Йенш.

— Значит, на корабле остался кто-то из его шайки. Нужно сейчас же обыскать корабль.

Все занялись поисками. Осмотрели, казалось, решитель-

Но все закоулки, но не обнаружили даже намека на какой-нибудь тайник, где мог бы скрыться человек.

— И тем не менее я не верю в чудеса! — воскликнул Найденов.

— Хотя по твоему пасторскому званию именно тебе, а не мне следовало бы в них верить. Что касается меня, то я начинаю, кажется, верить.

— Остается предположить одно: кто-то из нашего экипажа, не выдержав вида повешенных, чиркнул ножом по веревкам, и трупы оказались за бортом. А теперь, видя, какой шум из-за этого поднялся, виновник боится сознаться.

— Что ж, — многозначительно пробормотал не сдающийся Житков, — утешай себя этим. А я остаюсь при своем мнении: он двигал глазами.

— Опять за свое. Я думал, у тебя прошла голова.

— Смейся, смейся, господин рационалист. Мне не стыдно. Ей-богу, я уже верю в чудеса.

— Ну, Витема, кажется, не был святым.

— Он был именно того сорта: типичный факир.

— Довольно глупостей, Паша. Придется нам с тобой заняться взломом стола в капитанском салоне, — сказал Найденов. — Аллах с ними, с ключами. Заменяем их молотком и стамеской. Пошли!

Они спустились с продольного мостика. Найденов освещал себе путь карманным фонарем. Когда он сходил уже с последней ступеньки трапа на палубу, что-то привлекло его внимание. Он нагнулся: в луже крови лежал носок замшевой ночной туфли Витемы. Носок был отрублен острым ножом или топором. В куске окровавленной замши виднелась костяшка фаланги пальца. Это был большой палец правой ноги.

— Час от часу не легче! — с отвращением воскликнул Найденов.

— Может быть, теперь ты поверишь, что такие мертвецы, как Витема, способны драться даже на том свете? Видно, бегство стоило ему пальца...

Так и не поняв, что же случилось, друзья спустились в салон. По дороге они запаслись инструментом. Найденов сбросил куртку и засучил рукава, приготавливаясь как следует потрудиться над взламыванием массивного стола Витемы, когда его взгляд упал на листок, прикрепленный кнопкой к середине полированной поверхности.

«Милые друзья! Уверен, что вы явитесь сюда, чтобы отыскать свои бумаги. Не тратьте сил. Они у меня в кармане. А я покидаю корабль. Утешьтесь тем, что я дарю вам в полную собственность такое чудесное судно, как «Марта третья». Согласитесь, это королевский подарок. Надеюсь, мы еще встретимся.

Искренно ваш Витема».

Гнев Найденова был так велик, что он не мог проговорить ни слова. Удивленный его неожиданным молчанием, Житков подошел к столу и из-за спины друга прочел записку.

— Не зря я хотел всадить в него пулю!—воскликнул он.

Найденов бросился прочь. Он мчался по верхней палубе, чтобы убедиться, на месте ли гребные суда, кроме тех шлюпок, на которых была отпущена немецкая команда «Орла». Через несколько минут он вернулся в салон, где Житков, как зачарованный, перечитывал записку.

— Он ушел на четверке с подвесным мотором. Тали начисто перехвачены острым ножом. — Найденов провел рукой по лицу. — Это действительно становится похоже на фантастический роман или кадры американского фильма.

— Нет, это только доказывает, что там, где имеешь дело с шемцем, даже повешенным, нужно отбросить всякие сентименты.

— Повидимому, ты прав, — произнес Найденов и устало опустился на диван.

Сильный толчок сбросил его на пол. Кресло, в котором сидел Житков, выскочило из креплений. Весь корпус «Орла» содрогнулся от сильного взрыва.

Вскочив, Найденов бросился к переговорному.

— Эй, на мостике! Что случилось?

Никто не ответил. На верхней палубе была слышна суета, шаги бегущих людей. В салон вбежал Лунд.

— Цистерна с моторным топливом горит. Взрывом вырван кусок обшивки в ахтерпике.

— Помпы?

— Уже пущены. Но вода поступает быстрее, чем успевают откачивать помпы.

— Теперь ты понимаешь, что стоило истратить на него пулю? — крикнул Житков.

— Но это вовсе не значит, что я признаю себя побежденным.

— Ну что ж, воевать, так до конца! — с неожиданным спокойствием сказал Житков. — Пошли, Сашок.

Найденов поглядел на приятеля и расхохотался. Он весело ударил Житкова по плечу.

— Вот таким я тебя люблю!

Только тут они заметили, что Лунд все еще стоит в салоне и с удивлением наблюдает за ними.

— Кстати, херре Лунд, — сказал Найденов, — каково наше место?

— До Тромсе рукой подать. Если бы у нас были шлюпки...

— Тромсе? — Найденов остановился в раздумье. — Но ведь там немцы?

— Да, там немцы, — уныло ответил Лунд.

— На кой же чорт вам шлюпки? Чтобы идти прямо в пасть гуннам?

— А куда же деваться? — пожал плечами Лунд.

— Как вы думаете, — живо спросил Житков, — сколько времени наша коробка может еще продержаться на плаву?

— Не больше суток.

— Сутки? — Житков повернулся на каблуке и щелкнул пальцами. — За сутки, знаете, что можно сделать?

— Утонуть двадцать четыре раза, — хмуро сказал шкипер.

— Если уж быть точным, то и все сорок восемь! — отрезал Найденов. — Но можно сочинить и кое-что другое. Как ты думаешь, Папа? Есть у меня одно предложение... — Он взял Житкова под руку, и они пошли наверх.

Шкипер Лунд уныло поплелся следом. Навстречу им бежал Йенсен.

— Хэлло, шкипер! — крикнул Нордаль. — Мы осмотрели все шлюпки. Нет ни одной целой...

70. ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД «ЧЕРНОГО ОРЛА»

Начальник поста береговой стражи немецких оккупационных войск в Норвегии, штурмфюрер штабс-капитан «Мертвая голова», Пауль Миннкнер протянул руку к телефону. Звонки настойчиво дробил белесый ночной полумрак комнаты. Миннкнер был зол. И без этого звонка сон господина штурмфюрера был не слишком спокоен. Его нервировали светлые

ночи. В этой стране все было не по вкусу Минкнеру: непомерно высокие и крутые горы, слишком студеное море, мужчины, открыто ненавидевшие немцев, женщины, отвергающие ухаживания даже офицеров «СС». Из-за всего этого Пауль Минкнер почти постоянно пребывал в состоянии раздражения. Не было ничего удивительного, что он сердито рывкнул в трубку:

— В чем дело?

Но то, что он услышал, заставило его быстро сбросить одеяло и взять карандаш. Он стал делать заметки в блокнот.

Собеседник на том конце провода говорил:

— Патрульный самолет обнаружил на траверзе острова Санде трехмачтовый парусник. Курс — ост-зюйд-ост. Судно несет всю парусность. Обращает на себя внимание необыкновенная осадка — борты судна едва возвышаются над водой. Флага летчик разобрать не мог.

— Так... так... так... — повторял Минкнер, делая отметки. — Последние координаты?

Собеседник назвал широту и долготу.

— Это не может быть немецкое судно с рудой из Нарвика? — спросил Минкнер.

— Мы запросили по радио Нарвик, ответа нет. Вид судна внушает подозрения.

— Через два часа я буду у них на палубе, — заключил Минкнер.

— Если нужно, сейчас же радируйте: вышлем спасательный буксир.

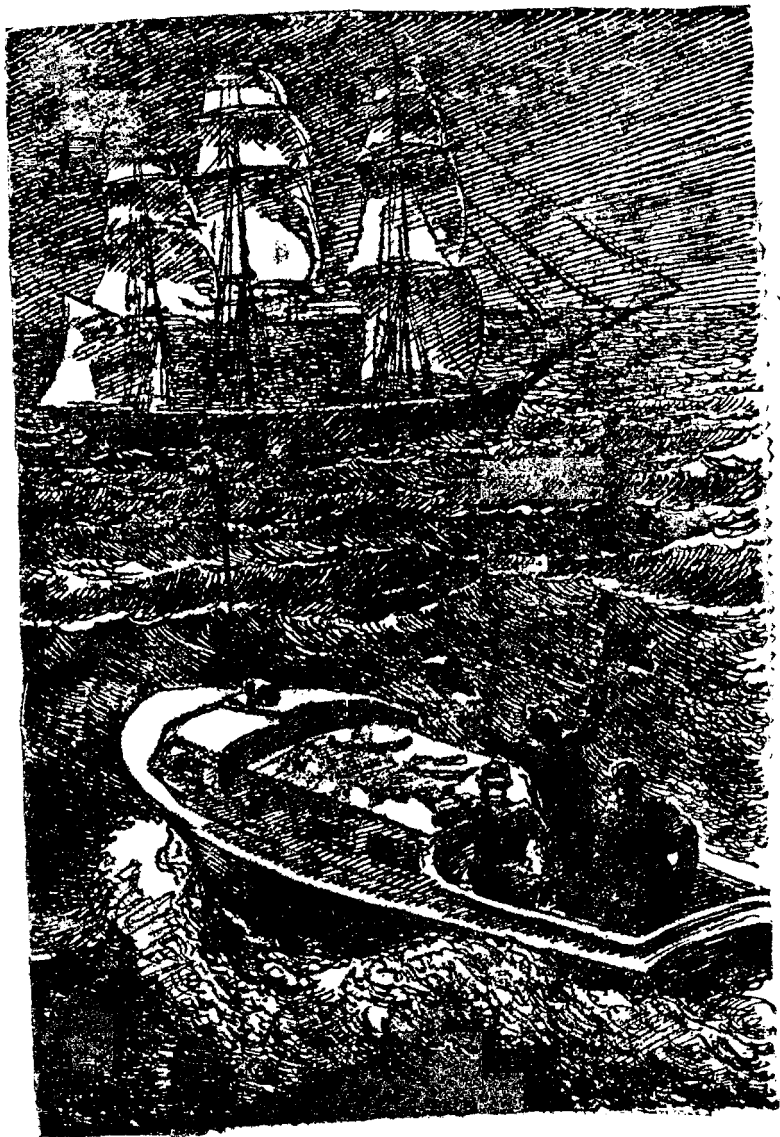
— Быть может, целесообразно идти прямо на нем?

— «Зеефальк» — наше единственное спасательное судно, а, сами знаете, время такое, что оно может понадобиться в любую минуту. Не хочется понапрасну угонять буксир из порта.

— Отлично, — согласился Минкнер. — Положитесь на меня. Я справлюсь своими силами.

Минкнер тут же отдал приказание готовить катер и быстро оделся. Через десять минут сторожевой катер, с десятком эсэсовцев на борту, отвалил от дальнего конца пристани Тромсе и, набирая скорость, пошел к устью Тромсесунда.

Очутившись в кокпите катера, Минкнер тотчас завернулся в плащ и растянулся на диванчике, приказав разбудить себя, когда покажется парусник.

Катер приблизился к «Орлу».

Охранники расположились вокруг откидного столика, появились карты:

Партия ската была в самом разгаре, когда в люк про-
снулась красная физиономия штурммана:

— Парусник в виду, будите штурмфюрера.

— К чорту парусник! — огрызнулся один из играющих.

— Пасс! — крикнул другой.

— Шибер рамш!

— Ты опять жульничаешь, Гюнтер!

Играющие не обращали внимания на штурммана.

— Довольно, довольно, ребята, — строго проворчал тот. — Наиграетесь в порту. Будите-ка штурмфюрера.

Собрав карты, охранники неохотно полезли на палубу. Следом за ними, протирая глаза, появился и сам Минкнер.

— Держите прямо на эту коробку, — приказал он шкиперу катера.

— Слушаю, господин штурмфюрер.

— Сблизившись с ним на пятьсот метров, лягте на параллельный курс.

— Слушаю, господин штурмфюрер.

Минкнер навел на парусник бинокль.

— Шхуна на добрую тысячонку тонн! — самоуверенно сказал он шкиперу.

— Совершенно верно, господин штурмфюрер, — с готовностью поддакнул шкипер, хотя ясно видел, что это не шхуна, а барк, и не на тысячу тонн, а на все три.

Продолжая наблюдать в бинокль, Минкнер издал радостный возглас:

— Я так и знал! Это немец. Смотрите, он поднимает наш флаг. Они волокут руду из Нарвика. Но за каким чортом понадобилось им заворачивать в нашу дыру, хотел бы я знать?

— Посмотрите на его осадку, господин штурмфюрер, — позволил себе заметить шкипер: — он принял в трюмы больше воды, чем могут откачать его помпы.

— Откуда вы знаете?

— Разве вы не видите, как она льется сквозь все шпигаты, господин штурмфюрер?

— Эй, штурман! — окликнул Минкнер. — Не можешь ли ты разобрать название?

— «Черный орел», господин штурмфюрер, — услужливо ответил за штурммана шкипер.

— Ха-ха! В этом виде он больше напоминает мокрую курицу, а?

— Остроумно сказано, господин штурмфюрер. — Шкипер угодливо хихикнул. — Очень боюсь, что эта ворона не протянет больше чем до полудня.

Хотя Минкнер решительно ничего не понимал в таких делах, он важно согласился:

— Да, чорт возьми, его дела швах.

Катер приближался к «Орлу». Минкнер приказал проинформировать: «Капитану прибыть с судовыми документами». На «Орле» не отреагировали сигналом.

— Кой чорт, ослепли они, что ли? — сердито проворчал Минкнер и, взявшись за мегафон, велел еще сблизиться с барком. Когда расстояние было не более двухсот метров, он крикнул: — Эй, вы! Какого чорта не отвечаете на сигналы полицейского катера?

— У нас не осталось сигнальщика.

— От капитана-то у вас что-нибудь осталось?

— Я капитан. Что вам нужно?

— Досмотреть вашу посудину, проверить судовые документы и ваших калек.

— Кто говорит?

— Начальник поста береговой стражи штурмфюрер Минкнер.

Тот, кто назвал себя капитаном «Орла», сразу изменил тон:

— О, господин штурмфюрер, тысячу извинений! Что угодно приказать господину штурмфюреру?

— Садитесь в шлюпку и приезжайте ко мне с судовыми документами, а потом я поднимусь к вам на борт.

— К сожалению, господин штурмфюрер, — плаксиво ответил капитан «Орла», — у нас не осталось ни одной исправной шлюпки.

— Я вижу почти все ваши шлюпки на месте, — с удивлением сказал Минкнер.

— Они все текут, как решето.

— Послушайте, вы! — рассердился Минкнер. — Голова у вас еще не течет?

— Боюсь, что через несколько часов ей действительно предстоит промокнуть, если нам не подадут помощи.

— Какого же дьявола вы не вызываете спасательное судно?

— Машинное отделение под водой. Радиосвязи нет.

— Да что с вами в конце концов случилось?

— Если господину штурмфюреру будет угодно прибыть ко мне на борт, я буду иметь честь доложить все подробно.

Минкнер колебался. Ему не слишком хотелось отправляться на тонущий корабль: чорт его знает, что может случиться в любую минуту?

— Выкладывайте, что у вас там есть.

— Сообщение не из тех, которые следует знать всему свету.

Минкнер нехотя приказал шкиперу подойти к борту «Орла» и без особой ловкости перескочил на трап парусника. За ним последовал десяток его черномундирных охранников. Торжественно, как похоронная процессия, они поднялись по трапу. Впрочем, восхождение было не особенно длинным: большая часть трапа была уже под водой.

Не желая бить свой катер о борт парусника, немецкий шкипер отошел на сотню метров.

Глядя, как Минкнер в сопровождении своей команды скрылся в дверях кормовой рубки, шкипер с завистью облизал губы. Он ясно представил себе шеренгу бутылок на столе кают-компания парусника — первое, с чем, вероятно, пожелает ознакомиться бравый штурмфюрер. Прошло с полчаса, когда наконец Минкнер появился в дверях рубки и прямо оттуда крикнул:

— Эй, на катере!.. — Тут он запнулся, как бы размышляя, что сказать дальше. Не очень уверенно, сбиваясь, продолжал: — Радируйте на пост... выслать «Зеефальк» сейчас же... дайте точные координаты.

— Кажется, эта скотина уже проинспектировала винный погреб «Орла», — пробормотал шкипер, а громко ответил Минкнеру: — Будет исполнено, господин штурмфюрер. Прикажете подойти к борту?

Было ясно видно, что Минкнер открыл было рот, чтобы что-то ответить, но вдруг словно поперхнулся и неуверенно сказал:

— Нет, нет, отправляйтесь в порт. Я вернусь на «Зеефальке».

Шкипер обомлел от изумления перед неожиданным мужеством эсэсовца.

— Вы хотите остаться на тонущем корабле?

Секунда молчания и глухой крик Минкнера:

— Делайте, что приказано!.. Только, ради бога, поскорее радируйте насчет спасательного буксира, слышите вы?

— Радист уже работает, — ответил шкипер и, решившись, крикнул: — А нельзя ли перебросить нам оттуда парочку флаконов чего-нибудь живительного?

Минкнер оглянулся внутрь рубки и тотчас прокричал шкиперу:

— Убирайтесь ко всем чертям, не то я..

Шкипер не стал ждать продолжения тирады. Через несколько минут катер уже нырял в белой пене далеко от «Орла». Поглядев в бинокль на покидаемый парусник, шкипер видел, как люди на нем разошлись по реям и стали брать паруса на гитовы.

«Берет рифы. Видимо, ложится в дрейф, — подумал шкипер. — Значит, решил ждать «Зеефальк» на месте. Видно, плохи его дела... Однако не ожидал я такой прыти от нашего Минкнера. Небось, метит на орден».

А еще через несколько минут оголенные мачты «Черного орла» скрылись за горизонтом.

Прошло не менее двух часов, прежде чем в этом квадрате на месте сторожевого катера показался мощный силуэт спасательного буксира «Зеефальк». Его могучая грудь уверенно расталкивала волны.

Повидимому, шкипер сторожевого катера успел подробно описать по радио положение «Черного орла»: на буксире уже готовили толстые рукава шлангов. Легкое облачко пара вилось над мощными спасательными помпами, способными, кажется, высосать самый океан, а не то что откачать затопленные трюмы какого-то барка. Командир буксира, краснолицый пожилой немец с седыми усами, стоя рядом с рулевым, разглядывал «Орла», погрузившегося чуть не до самого фальшборта.

Когда расстояние между судами сократилось настолько, что можно было переговариваться, командир буксира взял мегафон:

— Здравствуйте, капитан!

— Рад видеть вас, капитан! — любезно ответили с «Орла».

В это время к борту подошел Минкнер, окруженный группой охранников.

— Здравствуйте, капитан! — нервно крикнул штурмфюрер капитану буксира. — Поскорее поднимайтесь сюда! А не то эта старая банка потонет вместе со мною.

Тут двое охранников подхватили своего офицера подмышки и увели в рубку.

— Однако, — проворчал капитан буксира, — он успел уже изрядно залить свой трюм. Я бы ничего не имел против того, чтобы кое-что качнули и в меня. Эй, герр капитан, не найдется ли там у вас чего-нибудь согревающего для моих водолазов?

— Буду рад открыть перед ними весь мой запас, капитан! Вы сделаете мне большое одолжение, если подниметесь отведать того, что у нас еще осталось.

Спасатель не заставил повторять приглашение. «Зеефальк» подошел к борту «Орла», и, предшествуемые своим капитаном, водолазы полезли на парусник.

Из рубки «Орла» вышли человек десять охранников. Впереди браво шагал здоровенный мужчина с нашивками штурмана. Как только спасатели освободили трап, эсэсовцы спустились на буксир.

— Мы предпочитаем наблюдать со стороны, капитан, — с усмешкой сказал штурман.

— А ваш офицер?

— Он ждет вас в кают-компании.

Эсэсовцы разошлись по палубе «Зеефалька» с таким видом, точно у каждого из них были на буксире какие-то обязанности. Часть тут же спустилась в машину, здоровенный штурман взбежал на мостик и встал рядом с рулевым, остальные разместились на палубе около матросов буксира. Вдруг штурман поднял пистолет и выстрелил в воздух.

— А ну-ка ты, подними твои лапы! — крикнул он рулевому.

Немецкий матрос с удивлением увидел против своего лица черное очко пистолетного дула.

То же самое проделали остальные охранники: их пистолеты были наведены на матросов, один за другим растерянно поднимавших руки.

Штурман быстро связал поднятые над головой руки рулевого и нагнулся к переговорному.

— Эй, в машине! Как у вас там дела?

— Все готово.

— На «Орле»! — крикнул штурман. — Эй, на «Орле»!

Над бортом парусника появилось несколько голов.

— Как у вас там дела? — спросил штурман.

— В полном порядке.

— Доложите пастору, что у нас тоже все готово! — крикнул штурмман и, смеясь, обратился к появившемуся в этот момент капитану «Орла»: — Херре пастор, куда вы думаете девать своих пленных?

— А что думаете на этот счет вы, Нордаль?

К Найденову, — ибо в капитанском кителе Витемы был не кто иной, как он, — ковыляя на одной ноге, подошел Фальк.

— По-моему, их нужно оставить тут, — сказал доцент, недвусмысленно ткнув пальцем в воду. — Это единственное, чего они заслужили.

— Я не согласен, — сказал Нордаль. — Штурмфюрер сдержал свое слово.

— Да, он предпочел это пуле в бок, — сердито сказал Фальк.

— Хотя я и не сторонник церемоний с этими господами, — вставил появившийся у борта Житков, на котором была форма первого офицера «Орла», — мне хотелось бы сохранить всю банду до поры до времени. Думаю, они знают кое-что, могущее нам еще очень пригодиться!..

— Житков прав, — согласился Найденов. — В трюме «Зеефалька» хватит места для всех. Давайте, не теряя времени, перегружаться на буксир. — Он обернулся к Житкову: — А ты, Паша, пройди на радиорубку буксира и позаботься о том, чтобы на берег дали подходящую депешу: что-нибудь о том, что спасательные работы идут полным ходом. Вы же, херре Лунд, идите принимать ваше новое судно. Право, «Зеефальк» сколочен, кажется, достаточно прочно, чтобы доставить нас, куда мы пожелаем.

— Надежное корыто, — с нескрываемым удовольствием проговорил шкипер. — А его вы тоже намерены преподнести норвежскому правительству?

— Это дело будущего, но я ни минуты не буду возражать против того, чтобы коробка перешла в вашу полную собственность.

— Ну, ну, — смущенно пробормотал Лунд. — Такая коробочка стоит того, чтобы ею заняться! — И он спустился на палубу буксира.

Следом за ним туда передали связанных охранников, водолазов, капитана «Зеефалька» и хнычущего, как побитый щенок, штурмфюрера.

Тем временем Найденов в сопровождении нескольких норвежцев еще раз спустился внутрь «Орла», чтобы зало-

жить подрывные патроны. Они должны были ускорить гибель последнего пирата.

Через полчаса, когда «Зеефальк», унося всех норвежцев во главе с Найденовым, Житковым, Нордалем и Фальком, был уже на значительном расстоянии от «Черного орла», раздался взрыв. Большой кусок стального борта пирата со свистом вылетел в сторону. Качнулись высокие мачты, но заполненный водою корпус еще сохранял устойчивость. Он стал быстро погружаться. Через какие-нибудь десять минут палуба парусника была покрыта водой. Вот погрузился мостик, вода дошла до фока-рея. Казалось, упрямый немецкий пират решил погибнуть, не теряя правильного положения на киле. Но вдруг нос его показался над поверхностью. Вода вокруг него кипела и пузырилась. Мачты наклонились так, что ноки рей коснулись волн и, словно схваченные там чьей-то могучей рукой, стали быстро в них погружаться. Судно легло на борт, обнажая красное днище. Широкая волна зыби перекатилась через него, и корабль исчез из глаз.

— Надеюсь, «Марта третья» будет и последней, — сказал Найденов.

— А Витема последним немецким пиратом, — сказал Житков. — Итак, дорогие друзья, — обратился он к обступившим его норвежцам, — решайте: куда мы держим курс. Лунд ждет наших приказаний.

Конец пятого выпуска

ОГЛАВЛЕНИЕ

Краткое содержание 1-го, 2-го, 3-го, 4-го выпусков романа Ник. Шпанова «Тайна профессора Бураго»	3
--	---

Часть седьмая

ТАИШТВЕННЫЙ КОРАБЛЬ

59. Лодка должна утонуть	7
60. Корабль смерти	11
61. Привидение, которое стреляет	18
62. Капитан Витема любит стихи	28
63. Профессор Бураго и его тайна погружа- ются на дно океана	35

Часть восьмая

ПОСЛЕДНИЙ КОРСАР

64. Гибель «Консула Серенсеп»	47
65. Благородный виночерпий	52
66. Пленные проявляют покорность	59
67. Нордаль клянется повесить Витему	66
68. Роман со счастливым концом	70
69. Бегство повешенных	75
70. Последний рейд «Черного орла»	85

Редактор Б. Евгеньев

Подписано к печати 16/II 1944 г.
Л38 405. 6 печ. л. 5,7 уч.-изд. л.
38 000 экз. в печ. л. Тираж 50 000.

Заказ 1865. Цена 2 руб.

Ф-ка юн. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Москва,
ул. Фридриха Энгельса, 46.

Цена 2 руб.

16